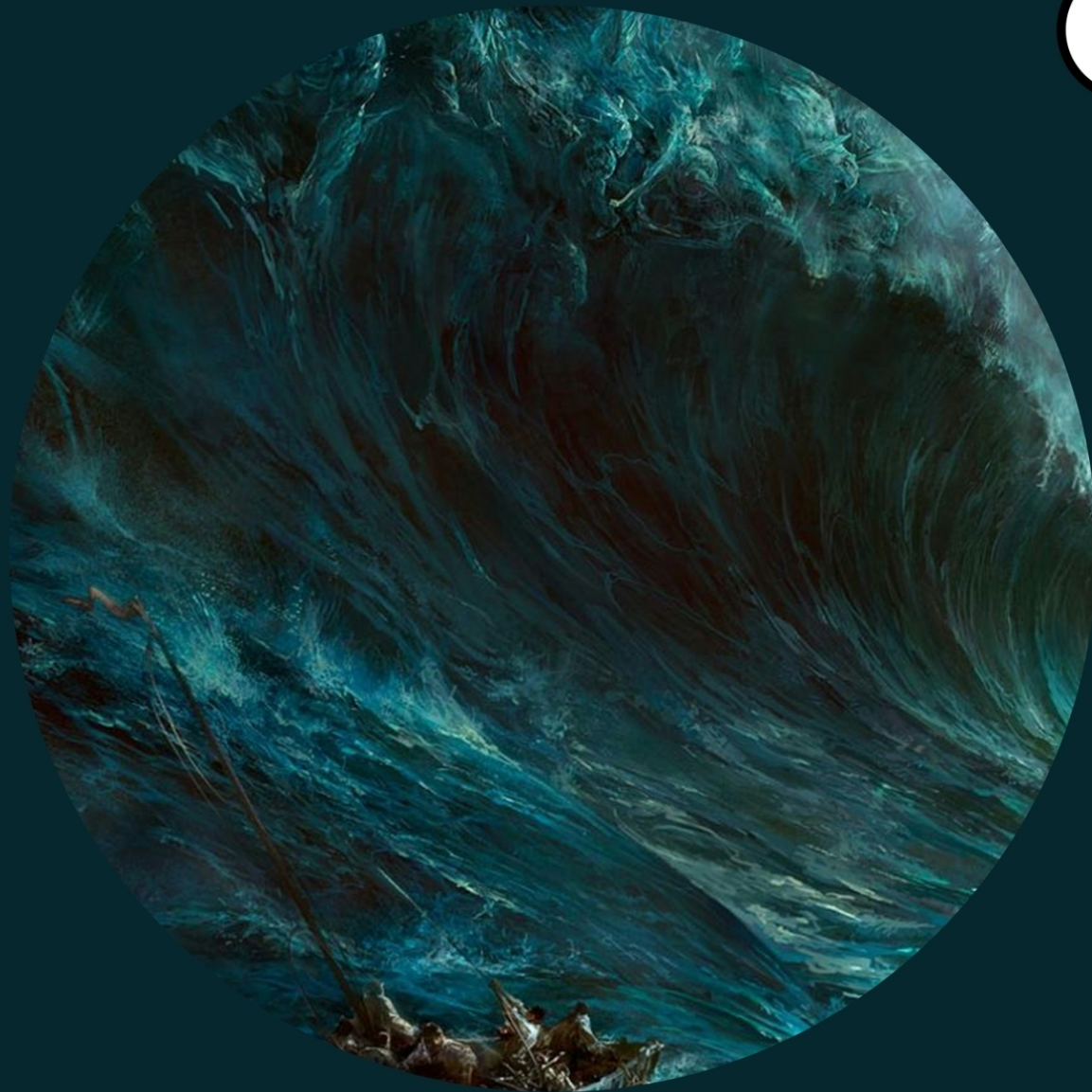

Хельга Лайс

18+

ОСТРОВ ДЛЯ ОСОБЕННЫХ

СБОРНИК

Хельга Лайс

Остров для особенных (сборник)

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Лайс Х.

Остров для особенных (сборник) / Х. Лайс — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Если бы год назад мне сказали, что я удостоюсь чести попасть в "райский уголок", то не поверил бы! Ведь я обычный подросток, но уже потрепанный житейскими невзгодами, поэтому не устоял перед соблазном. Здесь я обрел то, чего так не хватало в родных стенах: дружбу и любовь. Но по прошествии времени в глаза кидаются всякого рода странности вроде определенной прослойки общества и внезапных исчезновений соседей. Однажды я подошел слишком близко к разгадке, после чего последовала жестокая расплата...

© Лайс Х., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Остров для особенных	5
Начало	5
Неожиданный гость	10
В дорогу	12
Новая жизнь	18
Последняя вечеринка	25
Заброшенный дом	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Остров для особенных

Начало

Каждую ночь мне снится, как моя мама целует меня в лоб, омывая моё испуганное лицо своими горячими солёными слезинками... Как с каждым разом её объятия становятся всё крепче и крепче, что начинало казаться – ещё чуть-чуть и переломается пара моих рёбер, что даже дышать становилось трудновыполнимой задачей. Как её слова переполняются безграничной нежностью, и в то же время нескрываемой болью, и они отдавались в ушах оглушающим эхом... Словно материнское шестое чувство подсказывало, что нам более не суждено будет увидеться. Как в последний раз... И всякий раз все заканчивается её криком всепоглощающей мольбы, когда полностью скрытый темной одеждой худощавый мужчина с ростом два метра хватает и увозит меня на черной машине с затенёнными стёклами... Мама изо всех сил бежит вслед за отъезжающим автомобилем, но, поскользнувшись на мокрой после дождя кирпичной дорожке, падает навзничь. Бессильно бьет кулаками по луже, тем самым образуя из неё фонтан. А вдобавок и так неуместные небесные капли смешиваются с бесконечным потоком её слез... Чем дальше, тем хуже становится видно материнское лицо, пока она не исчезает совсем из виду. Последнее – что я видел, так это скрюченное тело, лежащее в луже. А дальше усиливающий дождь и беспросветная темнота... О нет, шесть утра, и я снова не могу спать! Сон, мучивший меня уже не в первый раз, выводил меня из душевного равновесия. К чему это все и почему он меня преследует? И никто не может утишить моё возрастающее любопытство, даже я сам. Никакие сонники не проливали свет, только ещё больше вводили в путаницу. С досадой увидел себя взлохмаченного в небольшом зеркале, что висело на гвоздике напротив моей кровати. Большое «удовольствие» смотреть на своё лицо, на котором диким образом расположились близко посаженные глаза цвета, доставшего мне от отца, и далее по списку: тонкие губы и огромный нос «картошкой» сочетались со скошенным подбородком и низковатым лбом. Хоть уши не торчали, и то хорошо. Приподнял свою слишком отросшую чёлку, и удручённо осознал, что только пластический хирург мне в помощь, а не колдовство парикмахера над волосами грязно русого цвета. Если бы лицом бы все ограничилось, но и ниже шеи дела не обстояли лучше, ибо рост мой не блистал цифрами выше среднего, а мускулатурой там и не пахло. Мне было суждено родиться с диагнозом «детский церебральный паралич», но он не был единственной проблемой. Сколько себя помню, я всегда был болезненным мальчиком: постоянно простужался, травился, с прогулки приходил с вывихами и всякого рода травмами, а однажды мне «повезло» сломать левую руку, и она неправильно срослась и вечно ныла при переменах погоды. Дома я сидел чаще, чем ходил в школу, успеваемость вряд ли можно отнести к хорошей. В общем, я был потерян для социума. Зато проводил все своё свободное время за книгами, начиная с того дня, когда едва освоил навыки чтения, и такой предмет как «литература» был единственный, по которому я хватал самые лучшие оценки. Мне было все равно что читать, сказку или романы, детективы или научно-популярное; через мои руки прошла не только школьная, но также и вся наша домашняя библиотека, которая досталась мне от деда-плотника, погибшего до моего рождения. Он был малообразованным человеком и поэтому считал, что его дети должны всячески просвещаться, что означало обязательное самообразование, подкрепляемое классическим школьным и университетским. Библиотека – по сути символ того, как дед во имя своих идейных соображений всегда отказывал себе во многом и на последние деньги, оставшихся с вложений на образовательный счёт, покупались книги лучших авторов. На такие мелочи как коммунальные платежи, одежда, еда и прочие необходимые вещи зарабатывала исключительно бабушка. Все вплоть до родных удивлялись

такому странному желанию. Надо признать, его жена с детьми не разделяли его энтузиазма, но последние будучи послушными детьми не смели ему перечить. Да и от бабушки не следовало возражений, а скорее потакала мужу, потому что видела в нем авторитета, что и внушала отпрыскам. Мама вспоминает, как она и её двое старших братьев мечтали о вкусной еде, теплом доме и одежде и игрушках, но приходилось экономить буквально на всем, настолько не хватало бабушкиных финансов. Медсёстрам ведь не так много платят, а делить приходилось на пятерых. Но больше всего моя мать не смогла простить своему отцу того, что он не дал ей быть с тем, кого она сильно любила, потому был он беден, как церковная мышь и глуп с руками крестьянина, зато красив словно голливудский актёр класса «А», чего было явно недостаточно. Свидания проходили втихаря, но однажды о них донесли, и дома произошёл громкий скандал. Мать боролась за право выбирать себе спутника жизни в одиночку, потому что её никто не поддержал, только кивали, когда глава семейства бил её ремнём, словно нашкодившую собаку. Все это происходило в выпускном классе, и в принципе, при желании можно было покинуть отчий дом и убежать жить своей жизнью, но воспитанные с пелёнок покорность и пассивность к переменам в жизни взяли над ней верх. А тот парень вскоре уехал куда-то за лучшей долей, у них не было возможности попрощаться. Под шумок нашёлся более «достойный» кандидат с лучшим образованием и местом в юридической конторе. Мать уже успела вступить в престижный университет, где ей предполагалось учиться на адвоката, и в коридорах учебного заведения произошла судьбоносная встреча с будущим мужем, где за ним числилась должность преподавателя, который приходил иногда читать лекции. Про таких, как он говорят «Красив как Аллен Делон», и в этом не было ни грамма лукавства из-за заметного сходства с выдающимся французским актёром, хотя у отца волосы слегка светлее будут. Он был старше на десять лет, однако его можно было отнести к завидным женихам, а такой чести попасть в поле его внимания удостоилась простая студентка-первокурсница. Вначале новоявленный жених был галантным, чутким и обходительным, но после скорой женитьбы он стал проявлять отлично скрывавшееся все своё гнилое нутро. Поначалу обходился критикой всего, что касалось супруги, подчёркивая тем самым, что он – самое лучшее, что есть в мире. От психологического насилия до физического прошло полгода, и этому сильно способствовало его практически ежедневная привычка выпивать после работы, под предлогом, что работа сильно расшатывает его душевное состояние, тем самым деморализует. Вот и тот день не стал исключением: изрядно напившись, отец впервые распустил руки, от чего беременная мной мать едва не перенесла выкидыш, настолько не жалел сил, вкладывая их в удар в основном по лицу и ногам. Ему кто-то донёс, что до него были шашни с другим, а значит, из него сделали человека – заменителя. Беременность проходила довольно проблематично: матери пришлось два раза ложиться в больницу ввиду угрозы потери плода, и вкуче с напряжённой домашней обстановкой не было и речи о том, чтобы продолжать учиться дальше. Взятый академический отпуск на год затянулся уже навсегда. Деду как поведали о таком вынужденном шаге, не сумел сдержать своё недовольство, потому что не для ранней семьи он вкладывался в дочь, но выразил надежду, что это только временно. А на робкие жалобы об избении дражайшим мужем всегда следовал шаблонный ответ: «Бьёт – значит любит». Ведь в остальном зять просто образец идеального супруга, и надо только горячо благодарить небеса за него, а не бегать и стонать по таким пустякам. Когда шел восьмой месяц того, как мама носила меня под сердцем, произошла трагедия: дом, где жили дед с бабушкой, а также дяди, вспыхнул среди ночи, и огонь унёс к утру четыре жизни. Следствие показало, что был поджог, но виновного так и не нашли. Единственное, что нам от них осталось, так это книги, которые дед перевёз к нам в квартиру ранее, как только до него дошла весть о будущем внуке: – Дети своё отчитали, теперь настала очередь внука знакомиться с шедеврами литературы, а то вырастет ещё болваном, вроде тех, кто гуляет на местном заводе. На почве сильных переживаний по поводу умерших близких, которых мать сильно любила при всех их недостатках, почувствовала преждевременные схватки, в резуль-

тате чего мне пришлось появиться на свет раньше положенного времени. За мою жизнь врачам пришлось бороться не один день и даже не неделю... Не желая того, но своим существованием я прибавил ещё больше проблем девушке, которой едва исполнилось 18 лет. Ей бы гулять да жизни радоваться, но сложилось так, как сложилось. Отец по-прежнему не видел проблемы в том, что он избивает и уничтожает морально женщину, которую он сам же и добивался. Его сердце не растаяло при виде новорожденного сына, а только ещё больше подстегнула его к тому, чтобы покатиться вниз. От него помимо перегара несло ещё чужими женскими духами. Помимо этого подтверждением измен были и следы помады на рубашках, а также – звонки от неизвестных женщин в любое время дня и ночи, провоцирующие мои пробуждения с благим матом после долгих минут укачивания на материнских руках. Ни о каких нянях речь не шла, иначе, что это за мать такая? Не только матери доставалось по полной программе, но и мне, потому что из-за меня вечно болеющего мать вынуждена была бросить свою временную, как ей, казалось, работу продавца, где не приветствовали постоянные отлучки от рабочего места. А значит, отцу пришлось самому нас прокармливать, что явно его не радовало. «Больной выродок» с парой затрещин – были ещё мягкие проявления его чувств. Один раз не выдержав сцены очередного избиения, я набросился на отца, точнее на его ногу, и он с лёгкостью меня, пятилетнего слабого мальчика, отбросил в дальний угол. Я, наверное, неделю лежал в постели, так как сильно болело все тело. С тех пор мне доставалась роль бессильно наблюдающего и тихо плачущего из-за двери своей комнаты. Вот тебе и счастливые годы детства, которое бывает так скоротечно и одиножды. Если у вас сложилось впечатление, что у отца не было светлой стороны, то спешу вас переубедить. Приступы агрессии у него бывали не так часто, в остальное время воздержания от алкоголя он был просто флегматично настроенным человеком. То есть, он не давал ложные надежды на то, что он станет проявлять нежность и любовь по отношению к нам. И поэтому было морально проще переносить его перепады настроения, принимая его таким, каким отец и являлся. Мои скромные успехи вроде тех, когда я с трудом, но сделал самостоятельные шаги, или нарисовал семейный портрет, его не вдохновляли. Мне не достались способности к спорту и привлекательная внешность, что делало меня сосудом, наполовину наполненным отцовского разочарования. – В кого ты такой пошёл, рохля криво-мордая? – задавал он скорее самому себе уже риторический вопрос. То, что я – его родной сын, подтвердил анализ ДНК, который он сделал тогда, когда мне исполнилось около года от рождения. Для него была большая загадка: как у пары, которая могла бы посоревноваться по внешности с признанными красавцами из мира шоу-бизнеса, мог родиться откровенно некрасивый ребёнок с серьёзным физическим недостатком. И это временами выливалось в причину для ссор, где всегда крайней была моя мать. Братьев-сестер у меня не было, но это не удивительно при периодических сильных избиениях, в том числе в область живота, от чего случались последующие выкидыши. Чем не очередной повод излить свою жёлчь вроде «Ты способна была выносить лишь уроды». Как устроено мышление у человека, имеющего незаурядный ум, и неспособность связать причинно-следственную связь? Если ежедневно бить по разу дерево клинком топора, то разве оно будет жизнеспособным? Вот так, я и мама были одни в этом жестоком мире. Ни друзей ни родственников, ни просто сочувствующих. Лишь один гамадрил, отравляющий жизнь своим родным. Идти нам было некуда, чем он пользовался на всю катушку. И поэтому у неё не хватало духу обратиться в полицию, боясь усугубить и без того паршивое положение. А что могут стражи порядка? Выписать штраф? Отправить на принудительную работу? Мило побеседовать? Нет, полиция ничем не поможет. Когда мне исполнилось восемь лет, у отца появилась любовница вдвое младше него, которая вскоре после начала бурного романа забеременела, и ею был поставлен ультиматум: или он разводится, или она делает аборт. Горе-папаша, видимо, хотел идеального ребёнка, и поэтому предпочёл свалить к ней, оформив квартиру на нас, потому что, ему не хотелось возиться с судебными делами. Не знаю, как у них сложилось, но не поверите, я был признательным той даме, ведь благодаря ей

закончились издевательства с пытками, коими лично я был сыт по горло. Да и мать не особо печалилась, потому что она его и не любила, и каждый день жалела, что позволила себя захомутать, а лучшие годы уже не вернёшь. За одной проблемой пришла другая: надо было на что-то жить. Меня планировалось отдать в интернат, где бы я проводил там пять дней в неделю. На помощь пришла старенькая соседка, которая давно жила в полном одиночестве, и общение с малоподвижным ребёнком было для неё хороший вариант, даже отказалась от денег, приговаривая, что ей только в радость помочь. Недолго музыка играла, и на горизонте появляется новый «папа». С отчимом мама познакомилась в очереди в магазине, куда она зашла после работы. Незнакомцем было отмечено, что негоже такой красивой женщине таскать тяжести. И слово за слово, это закончилось это все тем, что он подвёз её на своём автомобиле. Неудивительно, что он положил на неё глаз: обладательница 170 см роста, стройной фигуры с тонкой талией, длинными прямыми ногами, шелковистыми каштановыми локонами до лопаток, кошачьих зелёных глаз, прямого носа, пухлых губ. В общем всего, чего мне не досталось по наследству. Во время супружеской жизни с бывшим мужем её красота начало было угасать, ведь синяки не успевали сходить, а раны – заживать. Да и отошала сильно, от чего домашнему тирану было явно спокойно, и это одновременно при его изменах, о которых известно было даже фонарному столбу у нашего балкона. В общем, было завядший цветок снова распустил бутон. Спустя полгода они поженились, чему не помешали отсутствие общих интересов и взглядов; им было достаточно той бурной страсти. Что же до меня, то не сказать, что отчим мне сразу понравился. Но поскольку он проявлял ко мне что-то похожее на отеческую заботу, то постепенно я привык к его присутствию в нашем доме. И мне было отрадно смотреть на счастливую родительницу, чья красота ещё больше расцвела с появлением блеска в глазах и расслабленности в движениях. Я не настолько эгоист, чтобы не порадоваться за неё. Идиллия длилась, не больше и не меньше, два года. Её прервал один вечер, когда родители вернулись из гостей. Они очень сильно скандалили. Я же сидел у себя и не высовывался, поэтому сначала я слышал крики, а потом звук шлепка. После – сдавленно-удивленный мамин возглас, и слезы. . . Настолько неожиданной была та сцена, что мне не пришла идея выскочить и защитить слабую сторону, и закончилось это так же внезапно, как и началось. Отчим тут же бросился просить прощения, занимался самобичеванием, что это впервые, что это не в его принципах. Это было состояние аффекта, не более того. Стал наговаривать кучу нежностей о том, какой он сволочь против неё – идеальной, красивой, заботливой, неповторимой и т.д. Торжественно клялся, что такого больше не повторится. Мама ничего не отвечала, но постепенно её истерика прекращалась, пока совсем не стихла. Далее они ушли к себе. Стоит ли говорить, что данное отчимом обещание не было сдержано? Второй раз был через полгода, только уже прямо на моих глазах. Причина для этого была пустяковая (даже при веских причинах, конечно, никого не стоит бить): он приревновал её к бизнес-партнеру, с которым она переписывалась по рабочим делам. Коллега был видный молодой человек, достигший отличных карьерных высот в своём бизнесе, и по поручению сейчас мать с ним сотрудничала. Ей было предложено сходить на ужин, чтобы обсудить последние формальности перед составлением договора. Дома пребывал в ревностном духе отчим, залитый к тому времени целой бутылкой коньяка, не единожды обрывавший телефон звонками с менторским тоном, из-за чего батарея села полностью. Швырнув трубку об стену, и превратив её в кусок бесполезной кучи стекла и железа, он не мог успокоиться. Градус выпитого только усиливал его гнев. Возвращение матери не принесло ничего кроме, новой порций ударов и самых изошрённых проклятий. Попытка заступиться за неё обернулась для меня выбитыми передними верхними зубами в количестве двух штук. И так не был красавцем, то теперь уже всё, меня превратили в Квазимодо. Терпеть его приходилось до моего пятнадцатилетия. Меня донимал вопрос: а почему собственно за такого урода надо держаться? На что следовал ответ: сердцу не прикажешь. Любить своего палача. . . Отца она ненавидела, а этого превозносила. Нет, такое превыше моего понимания. Исчез отчим довольно неожидан-

ным, хоть долгожданным с моей стороны, образом. Телефон был вне зоны связи, на работе не появлялся, знакомые разводили руками. Никто и нигде его не видел. Как сквозь землю провалился. Мама погоревала два месяца, а затем успокоилась, решив, что её снова бросили. Однажды спустя полгода я узнал от местных жителей, что отчима зарезали в баре на окраине города, куда он пошёл опрокинуть рюмочку по случаю моего дня рождения. Он там повздорил с одним постоянным посетителем, уже напившимся в полный хлам, слово за слово, и они доболтались до драки с поножовщиной. Первый удар тут же стал роковым – в область сердца, смерть наступила мгновенно. Того драчуна приговорили к нескольким годам заключения и посадили в тюрьму, где он и отбывает свой срок. И тут я понял, что мать скрывала от меня тот чудовищный случай, полагая, что моя психика слишком слаба для такого. Пара лживых слов для меня, который нисколько не заботился о судьбе домашнего деспота с железными кулаками. Испытывал ли я какие-то эмоции вроде печали или радости? Отнюдь, абсолютно никаких. Для меня отчим умер ещё тогда, когда он впервые поднял руку на мою мать. Физическая смерть была просто последней формальностью или гвоздём в его гроб, не более того. Слишком большая честь даже думать о нем, человеку, который никого не любил, даже самого себя. Я только спросил, знает ли об этом моя мать, на что получил утвердительный ответ. Вот и подтверждение моим догадкам. Я понимаю её поступок и нисколько не сужу. Вспоминаю тот вечер, когда она пришла домой после работы с подарком для меня. Её лицо было несколько тронуту печалью, но она прилагала усилия не подавать виду, наоборот поздравляла как можно более беззаботно и непринуждённо, как будто ничего не произошло. Правда, все же сказала, что сегодня мы будем исключительно вдвоём. Я ещё тогда будучи наивным малым решил, что этот тиран сделал мне типа подарок в виде своего отсутствия. А на следующий день после праздника о нем никто и не вспоминал. Что ж, собаке – собачья смерть. Так мы снова стали жить вдвоём. В доме воцарился покой и тишина, на этот раз окончательно.

Неожиданный гость

Прохладным туманным утром меня из сладких грёз (редких в последнее время) поднял на ноги настойчивый звонок в дверь. Вот прямо эта трель, как заевшая виниловая пластинка, не думала униматься. Пока я тёр левой рукой заспанные глаза, правой же нашарил на тумбочке любимые часы в виде супермена, на которых время было без четверти восемь. Это свидетельствовало о том, что мать, как всегда, на работе, а я – один дома, так что кроме меня никому открывать дверь. Крикнув как можно более громко «сейчас открою», я стал быстренько накидывать на себя любимые застиранные до потери яркости цвета футболку со штанами, которые когда-то были красные и синие соответственно. Кому это так не терпится к нам завалиться? Родственникам? Из каких-то инстанций? Соседям? Тёмно-серый дорогой костюм, начищенные лакированные чёрные туфли, аккуратно отрезанные и чистые ногти, залезанные назад тёмные волосы, ненавязчивый шлейф дорогого парфюма, гладко выбритое лицо без возрастных морщинок, и завершающий образ папка подмышкой левой руки. И все это на фоне обшарпанных стен со соседскими дверями. Личность этого стильного мужчины мне ни о чем не говорила, что породило стойкое сомнение стоит ли его впускать. Заметив моё замешательство, он улыбнулся, обнажив ряд белоснежных зубов, явно не родных, а глубокий гортанный голос вполне соответствовал его виду. – Доброе утро! Видимо, я вас разбудил? Тогда прошу прощения. Я ... Меня к вам направили из одной благотворительной организации по защите прав инвалидов. Могу я войти? Мне, честно говоря, хотелось закрыть перед его носом дверь, но моё воспитание взяло верх, и я был вынужден его впустить. Он быстренько оценил бедную обстановку: дешёвые обои, затасканный с времён царя Гороха узкий ковёр, лампа производства Китая за три червонца, облупившиеся двери в комнаты и кухню. На его лице вновь появилась улыбка с одновременным кивком лощёной головы. Так и хотелось спросить «Не боитесь здесь находиться, дабы не растерять свой метросексуальный шарм из-за дырки в двери, пробитую когда-то моим отцом?». Но вместо этого пришлось строить из себя любезного хозяина: – Заходите в гостиную. Чай хотите, или кофе? – О нет, я ненадолго, так как без участия вашей матери мне долго не придётся излагать курс дела. То, что я услышал от него, ввело меня в смятение. По его словам, нам предлагают путёвку в курортно-санаторную зону на одном острове, на целый год, и это нам ничего не будет стоить. Заметив тень сомнения на моем лице, он стал горячо уверять, что мы как семья, перенёсшая домашнее насилие, попадаем под помощь некоего фонда, цель которого помочь женщинам и их детям пройти, прежде всего, психологическую реабилитацию. Чем больше он рассказывал, тем больше рос мой скептицизм. Я ведь не настолько дурак, чтобы забыть, как он упоминал другую организацию. Ничего не отвечая, я продолжил роль любопытного хозяина. – Последнее слово не за вами, так что ждите моего визита ещё раз. «Угу» – я не удостоил его любезностью. Скользкий тип, который решил, что меня можно одурачить. Проводив его, я сел обдумывать его предложение. Я, хоть и зелёный юнец, но понимаю, что ничего так просто не даётся, но с другой стороны... О, черт! Я позволил ему меня почти убедить. Приняв для себя более мудрое решение, что для начала надо принять душ и поесть, а там тщательно взвешу все доводы за и против. Но душ принять не получилось, так как снова не было горячей воды, пришлось кое-как умыться при помощи нагретой в чайнике воды, что явно не могло не сказаться на моем настроении. Повеселел я, когда от души умял единственное, что было пределом моих кулинарных талантов – омлет с тостами, щедро намазанных сливочным маслом. Убийственная пища для организма, но моему желудку было все равно. Едва дождался вечера, когда домой пришла мать. Помимо разговора её ждал хоть и скромно, но все же накрытый ужин из бутербродов, замазанные уже паштетом и горячий кофе. – Это так не похоже на тебя, с чего бы ты стал готовить? – Скажешь такое – «готовить». Надо подкрепиться, потому что нас ожидает серьёзный разговор, и поэтому мною было при-

нято решение экономить, а то и прибавить тебе сил. И да, впредь постараюсь снимать с тебя обязанность заниматься готовкой. – Похоже, мой мальчик начинает взрослеть, – со слезами радости она кинулась меня обнимать. – хотя на подобном питании быстро заработаешь проблемы с желудком, так что, не могу позволять тебе часто заменять меня на кухонном поприще. За столом я ей изложил суть дела. Сказать, что она была удивлена – значит сказать ничего. – Нет, как-то все это слишком невероятно. Хотя я и стараюсь верить в добро, но нам лучше отказаться, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Пожав плечами, я не стал ей перечить. Но в глубине души мне очень хотелось согласиться на предложенную авантюру, так как сидя взаперти практически всю свою жизнь, захотелось вырваться из столь унылой рутины. Да и чем мы рискуем? Чтобы не подавать расстроенного вида, я отвернулся к умывальнику, притворяясь, что поглощён мытьём посуды. Ей и в голову не приходило, что это могло меня основательно заинтересовать. Мама находилась дома, когда появился этот представитель чего-то там. Я не присутствовал при беседе в гостиной, предпочитая чтение очередного бестселлера. Мной было осилено всего 54 страницы, когда мама постучалась ко мне. – Он ушёл, – пока мать выдержала театральную паузу, я отложил в сторону книгу, не испытывая никакого сожаления, – и в общем, почему бы нам действительно не воспользоваться таким роскошным предложением, школа потерпит год, куда спешить, а от работы... Давно думала с неё уходить. Нам действительно не помешает развеяться, уж после жизненных перипетий мы точно заслужили. У меня пропал дар речи: да неужели?! И на радостях из моей головы вылетело содержание прочитанного только что. И не отказал себе в удовольствии броситься к ней с объятиями. Спустя две недели срочного оформления нужных документов вроде заграничных паспортов, визы и подписания целой кипы договоров с фондом, которые никто толком не читал, мы наконец-то могли хоть сейчас рвануть куда подальше из этого унылого города. И как же запрыгало в моей тощей груди сердце, когда в мох руках оказались наши два билета на самолёт. Это скорее не страх полёта, а то волнительное предвкушение. Мне казалось, что нам уготована дорога в рай. Этого нам никто не обещал, но мне было достаточно слова «курорт». От него веяло запахом моря, белого песка, битыми кокосами... То, о чем я читал в маминых журналах – стало моим наваждением. Да и не стоит обвинять меня в излишней сентиментальности и фантазии. А ты видишь, что билеты в первый класс, рейс в страну, о которой лишь понаслышке знаком, с местом у окна. Как тут не начать впадать в эйфорию прежде времени? Мне хотелось кричать от радости, до чего близкой стала мечта! Представлял, как прилечу обратно и стану хвастаться в школе и т.д. Правда, было одно небольшое «но»: нам надо было ехать в другой город, чтобы сесть на самолёт. У нас своего аэропорта-то нет! Хотя это такая мелочь! Рейс ожидал нас через три дня, а значит, сборы стоит начинать именно сегодня, чтобы ничего не забыть. Придя домой, я стал размышлять у шкафа над тем, что брать. Закинул часть вещей в чемодан, а за ними приятную сердцу дребедень, решил, что мне этого будет достаточно, да и не охота таскать с собой непосильную ношу. Да и нас предупредили, что нужное мы можем купить на месте.

В дорогу

Как вы помните, для вылета нам пришлось ехать в соседний более крупный город, так как в нашем из-за мизерного количества населения аэропорт отсутствовал. Выехав ранним утром, мы проторчали в поезде по пяти вечера. Но я не придавал этому какого-то сильного значения. К тому же я не покидал пределы своего города лет примерно 8, и мне это путешествие было только в радость. Через окно моему взору представились впечатляющие пейзажи, там козлы щиплют травку, тут огромное поле вспахано, а иногда и станции попадались, и самое интересное было высматривать кусочек городских видов за обычными вокзалами. И вот наконец мы выходим из поезда, в спешке выбегаем на вокзальную площадь, чтобы поймать такси до аэропорта. Прибавляем к нашему времени, проведённому в дороге ещё час, именно столько автомобиль нас мотал в пункт назначения. Я умудрился проспять всю поездку, так что город посмотреть хотя бы из окна, мне не удалось. – Макс, просыпайся! – трясла меня мама, – нам на самолёт пора! Я что-то промычал, как-то собрался и вошёл вместе с ней в аэропорт, где нам пришлось бежать на посадку, но к нашему счастью, успели вскочить на трап. Но я переживал, что работники могут придаться, о чем был наслышан от знакомых и средств массовой информации, но нас благополучно пропустили на самолёт. Раньше мне не доводилось видеть вблизи настоящий авиатранспорт, от чего у меня захватило дух от его размера и величия, присущие исключительно самолётам. Я глазел на наш самолёт, и меня переполняли безграничное восхищение. Ещё зацепившись об свою ногу, едва не упал у входа. Внутри снова было чему меня удивить, потому что салон казался таким же гигантским. Мы с мамой, никогда не летавшие до этого, не сразу сориентировались где наши места, даже пришлось обратиться к другим пассажирам, на что они любезно нам объяснили, что к чему. Вау, неужели я сидел в салоне самолёта! Меня переполняли слишком много эмоций, но больше всего это были знакомое предвкушение и проснувшийся в кои веки страх полёта. Я специально не спал до посадки около полтора дня, так как во сне уже не страшно летать. Однако, как вы помните, я успел передремасть по пути в аэропорт, черт его побрал! Нам достались места у окна, и мама великодушно уступила мне место у иллюминатора под предлогом, что ей и так страшно, а тут ещё воочию наблюдать, как мы витаем в облаках, тем самым усиливая чувство беспомощности и потери контроля над ситуацией. Усевшись, она включила в плеере музыку, которая должна была настраивать ее на расслабляющий лад, далее следовало надевание маски для сна, и после этого следовала просьба её не беспокоить без надобности. Однако бортпроводница подошла к нашим местам и попросила перед взлётом отложить столь важные дела и послушать речь персонала. Мама нервно улыбнулась и сказала, что летит первые и не знает, как вести себя на борту. Девушка понимающе кивнула и отошла на своё место. Мне были понятны действия матери. Пока мы не взлетели, я напредставлял себе кучу кадров с мест крушения авиатранспорта, что видел по телевизору, и от того едва не впадал в обморочное состояние, но всячески одёргивался тем, что согласно статистике, авиакатастрофы случаются редко. Главное, вытерпеть взлёт и посадку, а там можно и поспать, если получится, потому как в этом не был уверен, сна не наблюдалось ни в одном глазу. Не будучи набожным человеком, я стал думать о том, помню ли я какие-то молитвы. И вот, мы взлетаем в состоянии максимального внимания и сосредоточенности! Во время взлёта я зажмурился со всей мощью, и в голове стали мелькать мысли, что моя жизнь, в принципе, была нормальной и... Все. Даже вспомнить нечего, вот тебе и вся жизнь перед глазами. От осознания сего факта я даже я немного расстроился и открыл глаза. Ничего не имело значения, ничего меня уже не пугало. Пошарив в рюкзаке, я вытащил книгу в мягкой обложке, которую я читал на протяжении нескольких месяцев, и не потому что она была скучная, просто такова моя природа – читать десять книг одновременно. И поэтому нередко сюжеты одних книг переплетались с сюжетами других. Дурная привычка – я согласен, но иначе не могу. В

аэропорту уже другой страны нас встретила милая девушка, которую можно было бы принять за Клавдию Шиффер, до чего же поразительное сходство. Спросив наши имена, она одарила нас своей белозубой улыбкой, нисколько не уступающей улыбке той, на кого была похожа. От неё мы услышали, что нам надо сделать пересадку на частном самолёте. Она же должна нас проводить на него. «Ничего себе!» – мелькнуло у меня в голове. – Но вы пока можете отдохнуть в номере, который снят специально для вас. Вас ожидают ужин, горячая ванна и мягкая постель. А ещё окно с видом на море. На самолёт садимся поздним вечером. А сейчас пошли к выходу, где нас ожидает машина. И поплелись мы за ней. Площадь и интерьер аэропорта поражают наше воображение. Такой минималистский, что даже футуристический, а размер! Пока мы не вышли на парковку, я едва не сломал шею, настолько был ошеломлён увиденным. Такое мне доводилось видеть лишь на кадрах иностранных фильмов. Стоит ли добавлять, что наш выглядит захудалым сараем, по недоразумению названный аэропортом? У машины стоял человек в форме водителя, ну знаете, такие ещё шляпы носят, и аккуратные костюмы. При виде нашей бравой тройцы он распахнул заднюю дверь. Первой села мама, а потом и я. Наши вещи были любезно спрятаны водителем в багажник. Наша, скажем так, путеводительница села на переднее место. Когда нас катали в гостиницу, по пути я не отлипал от окна, в котором проносились виды приморского города. Насколько он отличался от моей вымирающей «деревни», где дома в основном разрушались, как и дороги. Здесь же через одного небоскрёбы, ухоженные улицы, ровные дороги, улыбочивые люди. Всюду играла музыка. Это город словно создан для праздника. Как бы мне хотелось жить здесь. Интересно, а там, куда нас доставят, тоже такие же виды? Или-или? Нет, если нам обещали райское место, значит так и должно быть. Но в моей понимании рай именно так. Стоит ли говорить, что в фойе отеля я тоже таранился на все с большим восторгом? Богатство интерьера поражаило мой избалованный ум: всюду кричало о богатстве. В общем, из-за блеска я совершенно перестал задумываться над тем, что не слишком ли какой-то там фонд разбрасывается деньгами ради нас двоих? С швейцаром мы добрались на зеркальном лифте до нашего номера на пятом этаже. За нами числился двухместный номер, в котором большую часть площадь занимала светлая просторная гостиная по роскоши не уступавшая всеобщему гостиничному дизайну. Посередине красовался угловой диван, оббитый глянцево-кожей цвета молочного шоколада, над ним же висела пошлая люстра с множеством висюлек. Со стен красовалась лишь единственная картина на тему марины. Помимо дивана стояли ещё два кресла из того же набора, журнальный столик с любезно принесёнными заранее экзотические яства вроде устриц и неведомых фруктов, чьи названия не застревали в моем сознании, а завершал картину огромный ковёр на полу с причудливыми узорами, и моей смелости ступить не хватало, пока этого не сделал работник гостиницы. С его помощью наш багаж отучился на креслах, и заметив нашу нерешительность, улыбнувшись, предложил нам присесть на диван и перекусить, с дороги ведь наверное, проголодались. Когда мы последовали его указанию, он спросил, надо ли нам что-нибудь, на что мать отрицательно покачала головой, и понял, что в его услугах уже нет нужды, тут же покинул номер. Поев с дороги, мама выразила желание немного вздремнуть в спальне. – Конечно, иди, а я тут пока дочитаю книгу, в самолёте как-то не получилось. – И в моих руках оказалась та самая книга, словно в знак подтверждения того, что мне будет не скучно. Странно, что телевизора здесь не наблюдается... Оказывается, его поставили в спальне, что, на мой взгляд, ещё более непонятное решение, чем его теоретическое отсутствие. Книга не сказать, что оправдала мои ожидания от концовки, скорее напротив, разочаровала, и поэтому я решил пойти и выбросить её в мусорное ведро, что находилось в санузле, где моим глазам представился вроде как джакузи. Это настолько поразило такую деревню как меня, что совершенно забыл, зачем шёл сюда. – Что ты стал как истукан? – хоть голос и был заспанный, но все же стал той неожиданностью, что меня со слабыми нервишками, сумел спугнуть. Книга вылетела из рук. – Да что ты так реагируешь, нельзя же так, – успокаивающе пробормотала мать. Вспомнил с какой целью я здесь стою, нагнулся и бросил книгу в

мусорную корзину, на что получил в свой адрес удивленный взгляд. – Да это так, плохой роман, туда ему и дорога. – Заверил я и бегом выскочил обратно в гостиную. Судя по времени, проведённому в санузле, мать пошла туда по гигиеническим делам. Когда она вышла, то мои догадки подтвердились, так как от неё несло мылом и запахом зубной пасты. Присев в кресле, стала набирать номер, и по громкой связи донёлся голос девушки-администратора: – Да? – Можно ли получить доставку чая в номер 213? – Да, ожидайте. Пока нам несли чай, в спальне матерью были проведены манипуляции с переодеванием: из обычных тёмно-синих узких джинсов и чёрной футболки в цветастый сарафан, достаивавший чести надеваться довольно редко. Волосы, уложенные в слегка свободный низкий хвост, завершали скромный, и в то же время, элегантный образ. Прежде чем мы едва выпили по чашке ароматного чёрного чая с хрустящими круассанами с малиновой начинкой, в дверь снова постучались. Это была та самая милая провожатая. Она не переступала порог в гостиную, предпочитая подождать нас у дверей. – Да вы, может быть, присоединитесь к нам? – решил я не подавлять в себе хозяина, но в ответ от неё следовало краткое и уверенное «Нет». Мне хотелось налить себе ещё одну чашку, но понимая, что надо уже собираться, и ограничился лишь тем, что взял эту вкуснейшую выпечку с собой. Взяв свои пожитки, мы поторопились к выходу. Нас вновь ждал все тот же автомобиль, правда уже с более молодым шофером. Тез нас не в ту сторону, откуда мы приехали. Но девушка объяснила это тем, что для частных самолётов есть свой аэропорт. Другой так другой, пожал я плечами. Через час мы наконец-то были уже там. Стоит отметить, что этот аэропорт значительно отличался от предыдущего. Был он раз в пять меньше, и людей здесь было тоже негусто, да проще смотрелся, в общем, чуть лучше нашего, но менее помпезный, чем крупный собрат, скажем так. В самолёте, кроме нас, было несколько человек, а именно: два моих ровесника в сопровождении дам примерного того же возраста, что и моя мама. Один из парней сидел в инвалидной коляске. А другой, как я позже узнал, был полностью слепой. Представившись, мы поняли, что летим в одно место почти по той же программе. Правда, у них это было «отдых для подростков с ограниченными возможностями». Мама удивилась, почему это программа другая, если у меня ДЦП? Спустя пары часов полёта мы наконец-то приземлились. Мы с мамой вышли первыми. Было уже довольно поздно, на часах время обновилось на местное и показывало 23:09. То, что я увидел – не имеет чести быть описанным. Но все же: мы высадились в прибрежной зоне, аэропорт или что-то подобное здесь отсутствовал, вместо него была небольшая будка. Зону освещали фонари, и все, что можно было увидеть, так это отражения света в воде. Из будки вышел человек, и вблизи стало заметно, что это полный мужчина лет 50-ти, в форме из голубой рубашки с короткими рукавами и тёмными брюками, а в руках у него был планшет. В нем же он и отметил здесь при нас, кто высадился. – Прошу вас следовать за мной, – прозвучало из-под его щетинистых усов не только в наш адрес. Выйдя за пределы взлётной зоны, мы увидели комфортабельный небольшой автобус. Рассевшись по местам, мы стали ждать. Тот же мужчина в форме зашёл в транспорт, и, убедившись, вновь отметил в своём планшете. – Итак, сейчас вас развезут по вашим **НОВЫМ** жилищам, так что к вам большая просьба не спать в пути, дорога займёт немного времени. Значит, у вас три дома, а значит, остановок будет три, и на каждой выходят по паре. Чтобы не было споров, объявляю вашу очередь: первыми выходят колясочники, вторыми вы (обращается к нам), а третьи – понятно кто. Вопросы есть? Мы покачали головой. Все, что нас сейчас интересовало – когда мы попадём к себе домой и уляжемся спать. Несмотря на то, что мы с мамой предусмотрительно вздремнули в автомобиле и шикарном гостиничном номере, все также испытывали потребность в отдыхе, полёты на самолётах для нас не назовёшь привычным делом, и поэтому мы основательно утомились в таком долгом пути. Заурчал мотор, когда служащий покинул автобус. Человек в форме действительно не обманул. Придерживая порядка очереди, мы вскоре стояли с ключом у **НАШЕГО** дома. Слабый свет фонарей неохотно демонстрировал нам улицу, но кое-что можно было осмотреть. Дома вокруг нас не могли похвастаться разнообразием. Все, как и

наш, были одноэтажными, со сдержанным архитектурным стилем, с газоном вокруг. Открыв дверь, мы нащупали выключатель у дверь. Нашим глазам представился просторный холл с входом в гостиную и кухню. Судя по всему, ремонт здесь делался недавно, так как создавалось впечатление, что здесь не жили до нас. Ни соринки, ни царапины, все сверкало чистотой. Я взял наши с мамой чемоданы и пошёл по дому, а она семенила за мной. После кухни нашим глазам предстал узкий коридор и в каждой стене, параллельно друг другу, была дверь. Открыв каждую, мы убедились, что это были две просторные спальни. Не сговорившись, мы вошли по одному в эти комнаты. Моя спальня по метражу превышала ту, что дома. Окно выходило на чей-то такой же тёмный дом, но глупо ожидать здесь вроде морского пейзажа. Цветовая гамма интерьера радовала глаз приятным преимущественно синим цветом, а кровать! Я плюхнулся на неё, и надо мной возвысился белый потолок с причудливыми светящимися лампочками. Меня помимо мягкой постели ожидал отличный бонус в виде ванной комнаты. Теперь можно лежать в ванне сколько вздумается, не причиняя тем самым неудобства другим членам семьи. Осмотревшись вдоволь, моя радость сменилась какой-то безумной усталостью, и едва дошёл обратно до кровати, так и рухнул прямо в одежду. Последней моей мыслью была «Отругают же меня за это...». Проснувшись от солнечного света, бывшего сквозь мои веки, я почувствовал, что спал слишком много, так как ощущение тяжести охватывало каждую клеточку моего тела. А над моей головой возвышался незнакомый доселе потолок вместо того, привычного домашнего. Дотянувшись до часов на близстоящей тумбочке, я с ужасом увидел на циферблате «13:02». Ничего себе, я продрых практически половину суток! После дежурных гигиенических процедур с переодеванием, я направился на кухню. На столе лежала записка от мамы: «Завтрак в холодильнике, разогрей в микроволновке. Я пошла знакомиться к соседям по приглашению. Скоро буду. Целую». Какая шустрая! Поев, я стал пристально изучать обстановку в доме. Не будучи экспертом, я все же осмелюсь предположить, что помимо свежего ремонта, вещи тоже не были в эксплуатации. От всего исходил недолговечный флер новизны. Интерьер не был напичкан излишеством, которое неизбежно появляется при постоянном проживании. Но при этом все сверкало нововведённой чистотой. Изучив в доме каждый уголок, я испытал острую потребность выйти на улицу, тем более светило солнце, в котором моя потребность ещё яснее ощущалась нежели в моем вечно дождливом городе. Неподалёку от нашего дома стоял какой-то рослый парень с рыжими кудрями. Его напряжённая фигура, слегка мускулистая, выражала полную поглощенность своим велосипедом. Рядом с ним лежали несколько инструментов в открытом ящичке, и судя по всему, он явно чинил свой транспорт. Понаблюдав за ним несколько минут издали, чего он собственно не замечал, я подошёл к нему. Затем увидел, что у него левая рука... отсутствовала по локоть. Из-под короткого рукава пёстрой рубашки выглядывала культя. Парень, заметив моё замешательство, вцепился своими зелёными глазами в меня и недобро усмехнулся: – Что, испугался? – и он выставил передо мной остаток своей руки, отвлекшись наконец от увлекательного ремонта двухколесного коня. – Нет, – поспешил я заверить его в обратном, испытывая горечь стыда, – я и сам не совсем ... – не осмелился добавить «здоров», вдруг его это заденет. – Тебе что-то нужно? – в его голосе начала проскальзывать нотка раздражения, – а то я сильно занят, велосипед опять «отвалился». Четвёртый раз за месяц! Да сколько ж можно-то! – ругнулся, едва не пиная заднее колесо своего велосипеда. – Могу я тебе чем-то помочь? Тот вновь взглянул на меня с оценивающим взглядом, словно думая, посылать ли меня к черту или как. Без понятия, что он себе там надумал, но в его голосе теперь было куда меньше недовольства. – Ладно, придержи вот здесь, – и я со всей готовностью выполнил его просьбу. Пара нехитрых манипуляций, и он с довольным видом взглянул на результат своей упорной работы. – Спасибо, ты весьма меня выручил. Мучился я, наверное, битых два часа, это ведро прямо просится на мусор, но уж больно к нему прикипел. Меня зовут Данила, прости за мою грубость, не люблю когда меня жалеют, тем самым унижают. – Ничего, мне знакомо то, что ты чувствуешь. Так что, я несколько не обиделся. Да и всегда рад помочь.

Данила? Откуда ты? – Понимаешь? – в усмешке выражалось недоверие, на что я поспешил заверить его, назвав свой диагноз. Он бросил свой взгляд вниз на мои ноги. – А, без обид, но это чепуха! Вот не было бы ноги или руки, как у меня, тогда точно был бы повод печалиться. Но я этим не грешу, ну родился таким, чем тут поможешь, если рыдать и стенать. И да, я из городка под Сибирью. – Ого! А я из Урала. А протеза разве нет? – Почему нет? Есть. Но я рассудил, если так было уготовано свыше, то нет в нем надобности. Лежит где-то в чемодане, зря что ли приноравливался все делать одной рукой. Вон даже велосипед вожу, и ничего. Нас, сибирских парней, так легко не возьмёшь! – Такая позиция не может не восхищать! – тут я слукавил, потому что такое мышление совершенно не движет прогрессом и не способствует улучшению качества жизни. Так бы и остались в пещере сидеть, а что, тоже можно жить. Но спорить мне совершенно не хотелось, и кто я такой, чтобы первого встречного учить, как ему жить. – Так ты новенький в городе? Не видел тебя прежде – зажмурившись от яркого солнца, он с любопытством глядел на меня. – Да, вчера въехали вон в тот дом. – И я рукой показал ему на наш, не побоюсь этого слова, особняк. – Вот решил первым делом осмотреться, что да как, так что ты единственный, с кем я вообще заговорил за сегодня. – Понятно, мне приятна такая честь. Что же, добро пожаловать. Помимо меня здесь полно парней, со своими особенностями, но атмосфера довольно приятная. Вот девушек нам бы... – задумчивый вздох Данилы свидетельствовал о том, насколько эта тема для него животрепещущая. – Ладно, поехал я в торговый центр по продукты, и так задержался! До встречи! Новоявленный приятель Данила так лихо управлял велосипедом, что в течение нескольких секунд его силуэт уменьшался, пока совсем не исчез. И это при хрупком транспорте и одной руки. Затем я стал прохаживаться по улице. Пройдя несколько кварталов прямо улице, я отметил, что легко теряюсь. Дома, газоны, деревья – все как по шаблону. Никаких машин и заборов. Ни собак, ни кошек. От бывшего райского уюта не осталось и следа. Да и никого из людей я не видел; слышал только голоса. На следующий день Данила представил меня троим парням нашего возраста. Первого, самого мускулистого, звали Андрей, его пребывание здесь исчисляется вот уже девятым месяцем, что делает его одним из старожилов. Остальные двое – Лёша и Никита живут здесь на три месяца меньше. И они с виду тоже такие крепкие, о чем я с завистью в душе поинтересовался: – Вы такие накачанные, боюсь, вы меня сложите пополам безо всяких усилий. – О, не знаем, – сказал Никита, явно не понявший мою шутку, – но такими мы стали здесь. Каждому предписано заниматься спортом и выпивать смеси для массы. – Что за смеси такие? – Скоро сам все узнаешь. – И трое одновременно загадочно подмигнули друг другу, что посеяло в моей душе неутолимый интерес. Конечно, с каждым днём, как я смел брел дальше по городу, обрастал новыми знакомствами. Не только моя улица отличалась однообразием; таким был весь город. Он располагался не на всем острове: с одной стороны стоял густой лес, куда никто не рвался. И представляете мои эмоции при виде отличающихся зданий, как торговый центр, клиника, спортивный зал. Они располагались в самой крайней прибрежной зоне. Пляж был только один, но огромный, чтобы вместить на себе всех временных жителей острова. Нас было почти 2 тысячи. Ну, это если верить моим примерным расчётам: если кварталов было около 90, а квартал вмещал в себе 20 домов. Городской план был расположен так, чтобы все находилось в максимально удобных рамках. Чтобы подтвердить свою догадку, я купил местную карту, где чётко и ясно красовались 30+30+30 кварталов, Остров представлял собой вытянутую сушу, на одной половине которого стоял лес, а на другой – сам город. И жилую часть построили так, чтобы её длина пролегала по оставшейся длине острова. Если план застройки меня не смущал, то наличие леса как раз волновало. Зачем он здесь? Не логичнее ли было вырубить деревья на прибрежной части, а в середине оставить? И никакого тебе телевидения, радио, интернета. Всюду только инвалиды, мои сверстники, и их родители. И с кем бы я не заговорил, каждый владел русским языком. Но я старался отмахиваться от всяческих подозрений и тревожных мыслей. Людям было хорошо,

а значит нет причин излишне беспокоиться. Наверное...издалека. Но я решил, что на сегодня достаточно, а то ещё заблужусь в однотипных постройках.

Новая жизнь

Покончив с размышлениями на тему странности этого острова, я старался наслаждаться представившимися возможностями. Погода пока стояла прекрасная: солнце постоянно светило с утра и до вечера, и лишь была пара дней, когда его изредка скрывали облака. Хотя в любом случае, я даром времени не терял и загорал на заднем дворе, превращаясь из бледного упыря в загорелого юношу, и что бы там не говорили о вреде солнечных ванн, но именно благодаря им мне стало куда приятнее смотреть на себя в зеркале, в котором рассматривая свои грубые черты лица, стал находить их не столь такими, что значительно поднимало мою самооценку. Всюду пахло благоухающим ароматом невиданных доселе цветов, которых у нас было в избытке у каждого дома. Никаких бензиновых и фабричных газообразных отходов. Зато постоянно кто-то пек пироги, дразня соседей по дому. А свежесть, доносящая из моря? Наш дом располагался в трёх кварталов от него, и мне начинало казаться, что на 90% состою из соли. Однако было и кое-что, чему я радовался больше всего: здесь у меня появились друзья со своими особенностями, но мы их не замечали, так как наше социальное рвение было наконец-то удовлетворено, а то, что кто-то хромой или низкорослый не имело совершенно никакого значения, чего нельзя было сказать о среде обитания, откуда мы прилетели. Почти каждую неделю у кого-то был день рождения, и я осознал насколько это отличается от моих прошлых празднований, которые я отмечал исключительно в компании родных со всеми скучными деталями. Здесь же мы старались отрываться как можем, и это при отсутствии горячительных и запрещённых веществ, которых здесь было не достать. Но я не особо огорчался, так как даже запах алкоголя мне был неприятен из-за частых возлияний отца и отчима, и быть похожим на них было бы сущим недоразумением и предательством своих же идеалов. Наши мамы всегда старались нам поспособствовать и дать по максимуму. Здесь же впервые я был искренне счастлив, глядя на свою мать, которая ещё больше похорошела, выпрямилась и начала улыбаться, чего я не помнил с недавних пор. А больше нам ничего не надо было. Нам даже учиться не надо было под предлогом, что здесь нам стоит провести год исключительно отдыхая, а нагрузка мозговой деятельностью нивелирует это понятие. Так что я помогал в саду и с работой по дому, а в свободное время гулял по городку с друзьями. Хотя было скучновато без средств массовой информации и интернета. Нам разрешались только гаджеты, на которые нам закидывали в торговом центре запрашиваемые нами музыку и фильмы, правда не все почему-то. Но нам было настолько не до того, чтобы задумываться обо всех этих странностях, ведь мы действительно почувствовали вкус жизни со всеми её прелестями, не чувствуя при этом себя ущемлёнными. Однажды к нам пришли две женщин одного возраста с моей матерью. Они представились инспекторами, после чего с удовлетворением отметили мой физический прогресс. Мое самочувствие действительно улучшилось, и я начинал ощущать себя здоровым парнем, а не вечно жующим соплю мальчиком. От них получив ключ, я пошёл в подвал, куда раньше не ступала моя нога, и открыв дверь, с радостным криком ворвался туда. Это была просторная комната, где стояли тренажёры на любой вкус; начиная от беговой дорожки и заканчивая штангой. Вошедшие вслед за мной дамы предложили мне привести тренера, который помог бы мне с физическими занятиями. И мне не хватило духу отвергнуть их предложение, так как я совершенно не имел понятия, с чего начать. Мне очень не хотелось выделяться на фоне новых друзей своей хилостью. На следующий день тренер пришел после завтрака. На вид ему было около 30, с ростом выше меня на полторы головы, с синими глазами и выгоревшими от солнца коротко стриженными волосами. Но больше в нем восхищала физическая форма вкупе с пластичностью. Он с лёгкостью продемонстрировал как работает с каждым из тренажёров, особенно впечатляло, как ему удавались тяги со штангой. Меня даже переполняла лёгкая зависть. Для начала мне было предложено начать с бега, на что я не мог ответить радостью, так как

это казалось мне очень скучным занятием, а ещё от бега постоянно болит правый бок, а позже и ноги, вследствие чего я с трудом хожу следующие три дня. Но слово тренера – закон, и я стал выполнять его команды. После пробежки я, запыхавшись, уже ничего не хотел, но тренер стал настаивать на небольшой силовой тренировке. После неё я был готов отдать свою душу богу без остатка, настолько она меня вымотала до последней капли крови. Определённо мой путь будет долгим и тяжёлым. Следующий его визит был через два дня, когда я мучился от крепатуры, бегал уже не так энергично, как в первый раз, но тренер не давал мне поблажки. Под конец я стал его слегка ненавидеть. Спустя месяц я заметил, как моё хилое тело становится чуточку крепче, а упражнения, что в начале казались трудными, уже давались все легче, бегать мог уже без неприятных ощущений, а во внешнем плане стали чётче прорисовываться рельефы мышц. На что тренер удовлетворенно отметил, что сделает из меня качка в рекордные сроки, что только сильнее вдохновляло продолжать занятия спортом. Хотя по мнению матери у меня наконец-то стал проявляться переходной период в виде мужественности. Не передать того чувства, как я обрадовался таким переменам, ведь раньше меня достаточно было тронуть пальцем, дабы повергнуть. Но теперь меня переполняла начинающая уверенность в том, что если что, я всегда смогу защитить как себя, так и более слабых во имя справедливости. И мне не приходило в голову отлынивать от рутинных дел, наоборот, моей целеустремлённости не было предела. И вот тогда в один прекрасный день во время утренней пробежки перед моими глазами предстало нечто прекрасное, и имя ей было Анна. Длинные шелковистые волосы до пояса цвета пшеницы слегка развевались от ветерка, из-за солнцезащитных очков выглядели искрящиеся зелёные глаза, тонкие черты лица, а её стать производила столь естественную хрупкость благодаря худобе... Вся эта красота была хороша в своей естественности, так как было очевидно, что на ней нет ни грамма косметики. Ведь обычно мало кто может радовать глаз без приукрашивания. Её терпеливое ожидание у крыльца закончилось тем, что к ней подошла женщина средних лет и что-то показала ей руками, на что та понимающе кивнула и вошла в дом. Завороженность её первозданной красотой приковала меня к просиживанию штанов на бордюре, где я ждал её появления. И это того стоило, чтобы понять в чем недостаток такой прелестной девчушки. Вышла она спустя полчаса, и бегом пошла в сторону, где располагалась прибрежная зона с торговым центром. Мой крик ей вдогонку прошёл мимо её маленьких ушей, и мне пришлось вставать, чтобы догнать. Когда я сравнялся с ней, она увидела меня и перепугано отвернулась, ускоряя свой и без того быстрые шаги. Опять пришлось последовать её темпу, чтобы сказать ей что-нибудь, дабы завязать знакомство: – Девушка, куда вы так спешите? Давайте познакомимся, я – Макс... Наконец-то неуловимая остановилась, и глядя на мои губы, что-то замахала в ответ, указывая на свои уши и скрещивая свои кисти, тем самым показывая крест. Вон оно что: прекрасная незнакомка – глухонемая. Это настолько меня ошарашило, что я растерялся. На моем лице возникла глупая улыбка, а взгляд блуждал, чтобы не глядеть на незнакомку. Вдруг она так же, как и Данила, полна желания съязвить? Моё всепоглощающее разочарование оказалось не менее сильным, чем вспыхнувшая ранее симпатия. Расстраивал не сам факт её глухоты, уж не мне огорчаться, а то, что не знал как с ней общаться. А ведь так сильно хотелось, и незнание языка жеста сильно осложняло мои намерения. Воспользовавшись моим шоковым состоянием, девушка быстро ускользнула в нужном ей направлении. Оставшись наедине со своим ступором, меня стали донимать мысли, а почему все мы здесь исключительно с какими-то особенностями? Неужели здесь не ступала нога здорового подростка? В общем, мои мысли опять стала все больше занимать странность этого места. Официальная версия, что мы здесь в курортно-санаторной зоне меня больше не устраивала. Потому что мы помимо ежемесячной проверки с врачами, больше не пересекаемся с ними, только в крайних случаях вроде внезапного ухудшения самочувствия. Никаких тебе процедур, просто гуляй себе, делай что хочешь и все. С чего бы так с нами так нянчились, ведь ничьи родители не вносили ни копейки за проживание с питанием и абсолютно любые капризы. Что

за благотворительность такая? А почему нет, например, детей дошкольного возраста? А сорокалетних инвалидов? Боже, о чем я только думаю! В общем, я был полон решимости и желания вновь увидеть инспекторов, чтобы задать интересующие меня вопросы. А пока я с тоской смотрел на безликий дом с новыми жителями, который находился рядом с нашим. Желания стоять в ожидании появления девушки не было, да и так довольно на сегодня с неё, которую видимо сильно напугал мой пыл, проявленный по отношению к ней. Хотя если взглянуть на моё лицо... Тоска смертная. Она для меня слишком хороша, даже при всей своей глухоте. Утром следующего дня мне пришла в голову такая банальная в своей простоте идея: напишу-ка я соседке письмо, уж читать и писать она должна уметь! Отыскав в своём письменном столе завалывшуюся тетрадь, я вырвал из неё пару листов. Как только ручка оказалась в моей руке, голова тут же опустела: не знал с чего начать, привет или доброе утро, красивая незнакомка или просто незнакомка, меня зовут Макс или желаю с вами познакомиться? Глаза боятся, а руки делают, и в итоге получилась такой себе опус на несколько страниц: «Привет, незнакомка! Я тот парень, который вчера с тобой пытался заговорить! Я так понял, ты лишена возможности слышать и говорить, и поэтому тебя пугает такое настойчивое внимание вроде моего. Но тем не менее, твоя глухота не должна становиться преградой на пути возникновения нашей дружбы! И поэтому я решил прибегнуть к такому способу, как переписка, надеюсь, ты не сочтёшь меня старомодным, ведь сейчас практически никто не проводит ручкой по листу бумаги? Ладно, довольно прелюдий! Для начала, позволь представиться: мои имя – Макс, мне недавно исполнилось 15 лет, что я представляю собой внешне – ты уже увидела. У меня ДЦП, что всегда мешало мне получать от жизни удовольствие, но здесь меня словно подменили! Этого диагноза не замечаю так как раньше. Здесь вообще замечательная атмосфера взаимоуважения и понимания, потом до тебя это дойдёт. Моя страсть – это музыка, в основном прошлых десятилетий, неважно какого жанра, лишь бы затрагивала струны души; литература, которой я «заболел» благодаря дедушкиному наследию, мне от него досталась самые лучшие книги, проверенные временем, так что это письмо написано заядлым книгоманом. А ты любишь читать, если да, то какие твои самые любимые произведения?; а также недавно к моим двум страстям прибавилось вырезание небольших деревянных штучек с помощью лобзика. Ещё немного балуюсь просмотром кино, но всегда по настроению, так что, нельзя сказать, что фильмы трогают меня так же сильно, как вышеупомянутые виды досуга. Что касается школы, то там я числюсь больше в списке «троечников», с редким сдвигом в сторону «хорошистов», но по литературе и языку я крепкий отличник. Ты ведь тоже на год освобождена от учёбы, как и все мы здесь? Здесь отличные ребята, правда все – парни, но думаю, тебе не стоит бояться и избегать нас. Этим письмом я приношу клятву, что ты можешь рассчитывать на меня. И поэтому выражаю огромную надежду на то, что ты прочитаешь мои буквенные сочетания, и не станешь отвечать молчанием. С уважением, твой сосед из дома напротив. р. S. Кстати, забыл сказать, что у меня есть желание обучиться тому языку, на котором ты разговариваешь. Жду ответа.» Такого привычного предмета, как почтовый ящик, ни у кого не было, так что, мне пришлось постучаться в дверь, чтобы передать письмо. Ноги словно прилипли к асфальту, отказываясь мне служить, а сердце бешено колотилось, отдавая гулким ритмом в самые виски. Судорожно сглотнув, я все же пересилил свой страх, и мой кулак робко отбил стук. В тот самый момент меня осенило, что и та женщина может не слышать, но её звонкий крик: «Иду!» развенчал мои догадки. Видимо, мой визит нельзя назвать своевременным, ибо перед моими глазами предстала запотевшая и растрёпанная женщина, которую видел вчера. – Вы что-то хотели, молодой человек? – спросила она, подняв левую бровь. Она была настолько тонкой, будто её нарисовали единственной линией из-под карандаша. – Да, не могли бы вы передать это письмо девушке, которая здесь живёт... – Анне, что ли? – Ладно, давайте сюда, на этом все? – женщина суетливо стала поторапливать меня с ответом, когда на моем лице появилось выражение неуверенности. – Да... – и дверь тут же захлопнулась. Хорошее воспитание, ничего не скажешь. Ответа не при-

шло ждать долго. Спустя несколько часов меня с руками полными продуктов по пути домой встретила эта прелестная соседка, что, видимо, хотела мне вручить конверт и какую-то книгу. Когда она увидела, что мои руки заняты, быстро положила своё на верхнюю ступеньку крыльца моего дома и тут же убежала к себе. – Маааам! – Заорал я ещё и потому что совершенно не горел желанием ставить бумажные пакеты на землю. – Зачем так кричать, я не глухая, – в мой адрес полетел беззлобное замечание, но мне было важнее то, что лежало у моих ног. – Что это лежит внизу? – Да так, это мне. – Я стал мяться, словно нашкодивший котёнок, по-прежнему пялясь на по-девчачьему розовый конверт. Как только мои руки освободились, я схватил все это добро и помчался к себе в комнату, настолько меня переполняло любопытство, что даже не рассматривал, что за книга прилагалась. Вот лежат они брошенные на кровати, а я уже чувствую нарастающее волнение, что сеяло семена страха: а вдруг она пишет, чтоб я шёл на три ласковые? Что-то сегодня уже второй приступ паники, чего раньше не испытывал. Не съест же она меня, тем более посредством какой-то бумаги, тогда и бояться нечего. Но попытки себя переселить и взять конверт в руки пали ниц перед бурлящим животом. Опустив свою голову под кран с струёй холодной воды, меня стало немного отпускать. Кое-как вытерев мокрую макушку, я сделал глубокий вдох и взял в руки конверт. Надо сказать, что конверт до этого времени лежал прямо на обложке, и убрав его, смог увидеть знак того, что мне отвечают взаимностью. На обложке красовалось название «Язык жестов для чайников». С моей души словно камень свалился, если не кирпично-строительный завод. Но руки все же немного потряхивали. Первое, что бросилось в глаза, так это искусно выработанный почерк, от чего казалось, что это буквы и слова, а какая-то картинка с закорючками и завитушками. Приложил бумагу к носу, и почувствовал еле уловимый цветочный запах. Улёгшись как можно удобнее на кровати, я стал с жадностью читать и перечитывать послание той, кого звали Анна. «Привет, Макс! Ничего, что я так без церемоний обращаюсь? Мне очень приятно было получить твоё письмо, так же как и читать. Прочитанное сильно вдохновило меня накатать ответ. Если у тебя присутствует страх того, что мне было неприятно твоё рвение познакомиться с тобой, то поверь, дело состоит совершенно противоположным образом. Та краткая информация о тебе определённо наводит на мысль, что парень ты хороший. Моё поведение было своего рода самозащитой, потому что мне сложно общаться с людьми, не умеющими выражать слова и чувства иначе, нежели вербальным способом. Ты ведь понимаешь, что такое совершенно невозможно. Но последняя строчка в твоём письме кладёт обнадеживающее начало нашей дружбе. И поэтому даю тебе эту книгу, что поможет тебе влиться в мир глухих. Это не сложно, сам убедишься, когда пролистаешь затёртые до дыр страницы. Для начала тебе достаточно выучить алфавит, и тогда присоединюсь я со своей помощью. В общем, это по поводу нашего общения. А пока можно поиграться в написание писем, потому что я, будучи большой поклонницей всяких старомодных книг, где не одну страницу расписываются послания между героями. Так что, в этом мы чем-то похожи, правда, мои руки не касаются книг в последнее время, если это только не любовные романы, надеюсь, здесь ты не станешь меня осуждать, ведь каждому человеку свойственно увлекаться творческим продуктом не самого высокого качества. Остальные твои увлечения действительно вызывают восхищение, но мне по понятным причинам не доступно осознание их прелести. Фильм только с субтитрами смотреть, а их чтение сильно утомляют, музыка – не слышу, и все тут. Зато люблю вышивать, готовить, и с техникой неплохо справляюсь. Ничем непримечательная девушка, таких миллионы. Ах, я почти твоя ровесница, скоро будет мой день рождения, и тоже освобождена от учёбы ради этой поездки. Если честно, я не хотела сюда приезжать, и до сих пор пытаюсь привыкнуть к этому острову, но пока что, мне здесь очень скучно без моих друзей и учителей, а мама со мной не сильно горит желанием общаться. Так что, бери в руки книгу и изучай. С тем же уважением, Анна.» Меня переполнило такое радостное возбуждение, что перечитывал каждую строчку, но смысл уже выскальзывал со второго раза. Но энтузиазма как не было, когда я открыл страницу с жестами, показывающие

буквы. Во-первых, надо было внимательно следить за тем, какой рукой показывать и как. К тому же, мне было легко запутаться, а ведь это только начало. Мои занятия по рассматриванию иллюстраций с последующей практикой длились около получаса, и я с досадой отложил книгу под подушку, К тому же, уже и есть захотелось. За обедом ко мне вновь вернулась решительность, что вылилось в торжественное обещание выучить сегодня перед сном хотя бы десяток жестов. «Тише едешь – дальше будешь» – эта мудрость стала моим девизом во время упорной зубрёжки, и наконец-то отточив полученные знания, я полный решимости стал караулить Анну, потому что, «любезный» приём её матери напрочь отбил желание стучаться к ним в дом. Просидел я достаточно долго, чтобы было начать покидать свою зону ожидания, так тут же из-за дверей появилось нечто в коротких джинсовых шортах, что подчёркивали длину и ровность ног, а сверху облегала голубая майка, из-под которой выглядывал лифчик чёрного цвета. Волосы были уже собраны в пучок, а лицо снова скрывалось за огромными солнцезащитными очками. Глядя в мою сторону, Анна улыбнулась, обнажая ровный ряд белых зубов. Мне не терпелось ей продемонстрировать то, чему я учился последние несколько дней, Моими руками было показано «Привет, Анна». Судя по её восхищенной реакции, эффект произведён прямо в цель. Она мне что-то ответила, стоя все же там же. Но то ли я такой тугодум, то ли она слишком быстрая, но для меня стало загадкой то, что было ей показано, и моё растерянное лицо очень красноречиво свидетельствовало об этом. Лёгкой походкой пройдя дорогу ко мне, Анна взяла свою книгу в руки и присела рядом со мной. Вот так собственно, благодаря её помощи и моему желанию, я выучил новый для себя язык, благодаря которому мне единственному был выдан билет быть почётным гостем в её мире. Накануне маминого дня рождения я всерьёз задумался над тем, чтобы устроить грандиозный праздник, которого у неё никогда и не было. Ресторанов в нашем городке у нас не было, исключительно одно небольшое кафе в торговом центре, и то оно было больше рассчитано на молодую аудиторию. и я обратился к Анне за помощью, помня о её хобби. Так как кулинар из меня никудышный, а накрыть стол нужно было, так что без неё мне не удалось бы исполнить задуманное. На что она откликнулась с готовностью, уверяя меня в том, что для неё это дело чести и акт благодарности за то, что я стал первым попытавшимся завязать с ней общение. Накупив продуктов и притаскав их домой, мы немедленно приступили к задуманному. Маму я отправил в гости на пару часов, чтобы сделать ей сюрприз. Надо отдать должное, Анна не подвела мои смелые ожидания. Тонкими ручками она филигранно нарезала ингредиенты, как будто для неё это обыденное действие. Я же наводил порядок в доме и украшал гостиную. Из кухни доносился дразнящий запах, что основательно будоражило мой аппетит. У дивана я поставил самый большой букет. Стол был накрыт новоприобретенной скатертью, на которую я расставил тарелки из самого лучшего сервиза, который только был в местном единственном супермаркете. Стали подтягиваться мамини подруги с подарками, а их было около двух десятков. Анна дала знак, что все готово, осталось только потрудиться над десертом. Как только открылась дверь, мы хором закричали: «С днём рождения». Такого удивлённого и в тоже время счастливого лица я не видел никогда прежде. Она аж пустила слезинку, от чего стала прикрывать лицо левой рукой. Я усадил её за стол в джентльменском стиле. Любопытной Анне я кивнул в знак того, что она может выносить блюда. Я уселся только после того, как наложил каждому по порции, и пригласил за стол мою помощницу. Все гости были тронуты её работой на кухне, и выражали ей свой восторг по поводу яств, что я ей и переводил на понятном языке. На её едва тронутым загаром личике вспыхнул яркий румянец. Анна напросилась нам помочь с уборкой стола, от чего мы не смели отказываться. Но именинницу мы отправили отдыхать, а сами принялись потихоньку заниматься своими делами. Закончив с уборкой, мы удовлетворено оценили наши усилия. Мне до жути хотелось проводить Анну до её дома, хотя ей идти всего ничего, соседи как никак, но возникший порыв сложно было подавить. Она пыталась отговаривать, но я её убедил в том, что немного свежего воздуха мне не помешает ради улучшения сна, а значит не приложу больших усилий. Шли мы неторопливо.

А зачем собственно спешить куда-то?... Спать мы не хотели, тем более, дело наше молодое – сами понимаете. Освоив язык жестов, я наконец-то понял, какая Анна интересная и культурно развитая девушка. Да, она не слышит, и от того не может разделить со мной увлечение музыкой, но она всегда с интересом «слушала» мои объяснения о том, чем музыка могла сводить с ума миллионы людей. Как бы там не было, ей было более, чем доступно понимание красоты и глубины текстов песен, и хоть так отрывочным образом она могла понять, почему мне могла нравиться именно та или иная песня. Ей очень нравилась поэзия, особенно британская. Для меня было довольно необычно, когда мне рассказывали стихи руками. Вначале я даже терялся и переставал понимать, о чем речь. Но постепенно я научился «слушать», и в этом было своё очарование. Ещё, оказывается, можно так и песни «петь» жестами. Однажды я как-то поставил свою самую любимую песню в минусовом варианте и стал следить за жестами, которыми демонстрировался старательно заранее заученный ею текст. Перформанс Анны нельзя назвать идеальным, ведь будучи лишённой слуха, невозможно попадать в ритм, но тем не менее, это было потрясающе. Не стал говорить ей о мелких, на мой взгляд, огрехах, ведь человек пытался и вкладывал душу, и не в моих силах её огорчать. Да и какое это имеет значение? Ничто идеальным не бывает, да и меня нельзя отнести к перфекционистам. И так как общество Анны было для меня желанным, всегда находился повод быть с ней рядом. Вот что собственно и было наглядно показано после маминого дня рождения. Проводив её до дверей дома, я словно прирос к крыльцу. И это моментально сбilo меня с толку, так как не знал, что сказать, ведь слова никак не могли выразить всю гамму моих чувств, точнее за мной не водилось умения ими выражать мысли сложнее бытового уровня. Говорить «до встречи» не хотелось, как и задерживать длинным разговором. Анна терпеливо ждала. Думай, голова, что сказать! – Ты мне нравишься! – вылетела эта фраза из моих губ. Пусть я не показывал жестами, но она умела читать по губам. Боже, как мне неловко! Она смущённо улыбнулась, опустив свои бездонные глаза. Я стоял как идиот, не зная, что это на меня нашло. Из ступора меня вывел её неожиданный поцелуй в щеку. Затем она бесшумно скрылась за дверью. Постояв немного, я переваривал абсурдность возникшей ситуации и приятную неожиданность со стороны Анны. Затем я наконец-то развернулся в сторону своего дома. Всю дорогу я неистово улыбался; мне хотелось танцевать и орать от нахлынувших чувств. Кажется, этим ясным вечером мне были поведано, что такое любовь. Со мной раньше такого не было, и мне искреннее было невдомёк, почему такое всепоглощающее и возвышающее на небеса чувство становится для кого-то сродни пытки и причиной мучения. Будь моя воля, я бы бросился делать мир лучше, настолько меня переполняло счастье! Дома я завалился одетым в кровать (о, это становится плохой привычкой), включил плейлист со самыми лучшими песнями о любви, надел наушники, где уже на полную громкость зазвучал голос непревзойдённого Брайана Ферри. Лежал, и под него фантазировал на тему нашего с Анной будущего. В следующий раз, когда мы встретились, я преподнёс ей самый лучший букет, хотя нельзя меня назвать знатоком флористики, но судя по её восторженной реакции, он таковым и был. Анна сегодня была особенно хороша. Чем больше я на неё глядел, тем больше она мне нравилась. Хотя «нравилась» слово какое-то слишком мягкое, не находите? Когда она появлялась на горизонте, у меня вмиг начиналось гореть лицо и уши, ноги становились ватными, а пульс яростно наращивал темп. А уж когда она стояла рядом... В общем, из-за соображений скрыть свои неподвластные мне эмоции я не пожалел своих денег и взял самый большой. Судя по всему, не один я испытывал неведомые ранее столь сильные чувства. Она взяв букет, с такой трепетной нежностью приложила его к себе и несла так, как будто от этого зависела судьба всего бренного мира. Я ей предложил пойти в кафе, на что услышал в ответ утвердительный ответ. По пути мы не особо разговаривали, так как Анна не могла из-за букета «разговаривать», так что это я молчал ей всякую чепуху, на что получал понимающую улыбку, что было для меня большой наградой. Наш обоюдный выбор пал на самый дальний столик, чтобы нам никто не мешал. Официант вызвался на помощь, помимо своих прямых обязанно-

стей, взял у нас цветы, чтобы на время поставить их в воду, пока мы будем здесь перекусывать. Анна заказала чай и яблочную шарлотку, я же – только кофе, потому что из-за того, что я не выспался прошлой ночью (бессонница стала моей постоянной гостьей), меня слегка клонило в сон. Да и аппетита как такового нет, мне вполне хватало коктейлей, которыми снабжал меня тренер. На вкус они были не слишком изысканными, но зато отбивали желание перекусывать надолго. Такое «питание» не одобрялось моей матерью, и поэтому я иногда старался чередовать приёмы коктейлей и поглощение её стряпни. Иногда приходилось есть через силу, что вызывало ощутимый дискомфорт. Прикосновение руки Анны вывело меня из задумчивости. Как раз нам поднесли заказ, и я с жадностью стал хлебать кофе. И вновь мы говорили обо всем, кроме моего монолога на крыльце. Оказывается, скоро у неё день рождения, и она хотела бы устроить вечеринку, но переживала, что из-за шумихи мы можем мешать более старшим жителям городка. Я заверил её, что не стоит переживать по тому пустяковому поводу, и что пришла моя очередь устроить ей праздник. Во время обсуждения я заказал ещё чашку кофе, за что был одарён недоумевающим взглядом моей девушки. Да, моей девушки. Букет было решено придержать у официанта, естественно за вознаграждение. Взявшись за руки, мы неспешно направились к берегу. Пляж располагался за торговым центром и был ограждён рядом деревьев и кустами. Поскольку Анна шла быстрее, опустив меня, то она уже сидела, уставившись вдаль океана, а я тем временем едва семенил. Оказавшись рядом с ней, я увидел насколько она была сосредоточена на чем-то, что было видно исключительно её величеству. Стало понятно, что меня не замечают, и присел рядом с ней, стараясь не тревожить её своими неловкими движениями. Так и сидели на берегу бесконечного океана две души, каждая из которых имела свой жизненный багаж, с нуждой иногда так просто посидеть и смотреть в никуда. Волны все сильнее набегали, выбрасывая себя со всей своей природной мощью на берег. Видимо, дело идёт к смене погоды. Солнце все чаще спряталось за облаками, которые словно тяжелели и серели, прежде чем выбросить на землю накопленный небесный нектар. И ветер бил в лицо, тем самым доказывал, что его мощь будет только расти. Я слегка продрог, и меня переполняло желание уйти куда-то, где можно спрятаться от ещё не непогоды, но близкой к этому. Анна ничем не проявляла дискомфорт, как будто ничего не меняется вокруг неё. Наконец она обернулась ко мне и улыбнулась: – Мне кажется, или тебе холодно? – её рука коснулась моего плеча, и хоть от неё веяло теплом, но меня еще больше затрясло, – о, да ты дрожишь! Я попытался отнекиваться, но Анна уже поднялась, выражая решимость уйти отсюда. Моя рука схватилась за её протянутую. Её глаза вновь смотрели в даль сквозь меня. – Волны волнуются все сильнее, какое зрелище может быть ещё прекраснее?... – В её глазах застыло какое-то мечтательное блаженство. Мне стало неловко, что из-за меня девушка лишается возможности предаться грёзам. Я ей предложил остаться, но она наотрез отказывалась: – Ты что, заболеешь ещё! Как-нибудь придём сюда в следующий раз. Я испытал большое облегчение, хотя старался не подавать виду. Наш путь пролегал через кафе, где мы забрали букет, а дальше – домой.

Последняя вечеринка

Словами не передать, какие эмоции меня переполняли, когда я сдавал вечеринку на суд друзей и, конечно же, самой виновнице торжества. Но среди чувств были: страх, волнение и желание слиться, чего нельзя уже было воротить. Мои приготовления начались ещё в голове, когда Анна доверила мне честь устроить ей праздник. Придя домой, я не сразу стал обдумывать каждую деталь, каждую мелочь, но постепенно идеи сыпались на меня как из рога изобилия. Как же важно было для меня порадовать Анну так, чтобы она запомнила этот вечер навсегда в положительном ключе. Ну, чтобы было что внукам рассказать. И с каждой секундой упорной работой моего мозга усиливалось ощущение возложенной ответственности. И от этого я едва не впадал в панику: а вдруг ей не понравится и тому подобное, чего не смог бы себе простить. Стоит ли говорить, что на той, на следующей ночью меня по-прежнему мучила бессонница? На следующий день я обошёл все возможные точки с мелочами в торговом центре и обнаружил, что дарить по сути нечего. Всякая дребедень для хозяйства и маленький ассортимент всякой ерунды, и все. Я заказал через продавца книгу, которая была на мой взгляд неким компромиссом. Не дарить же ей кастрюлю или ненужную статуэтку в виде неведомой зверушки. Мне сказали, что будущий подарок доставят как можно скорее, однако обещать на 100 процентов не могут, потому что в торговом центре по радио обещали кратковременную порчу погоды, что усложнит дорогу сюда и обратно. К маме я решил не обращаться, да и вообще никому из взрослых, так как считал, что мне лучше знать, что нужно молодым членам общества. Ни о каком алкоголе речь не шла, потому что его не продавали от слова «совсем» по причине его непоставки. Значит, будем пить всякую ерунду типа морса и лимонада, словно дети дошкольного возраста. Сложносочиненные блюда будут слишком не к месту, значит, особо готовить не придётся. Тогда придётся поломать голову над праздничным антуражем. Я спросил разрешения у матери провести вечеринку у нас, на что она не очень согласилась с отговорками, что свои праздники следует отмечать у себя, а не прибавлять себе работы. Я поклялся, что сам устрою, а затем и уберу, не привлекая посторонней помощи. Она мялась, но увидев, как это для меня важно, в конце концов дала добро. – Дом в твоём распоряжении. И пожалуйста, сдержи слово. Заверив её в сотый раз, что все будет в порядке, я пошёл к себе в комнату набрасывать примерный план действий. К тому времени до дня рождения Анны оставалась полторы недели. Но полностью идея моей вечеринки оформилась за три дня до «X». Я решил, что не помешает немного костюмированного духа. Поскольку мне была близка по духу эпоха 60-х, то я дал всем, в том числе и Анне, знать, что всем нужно быть в образе хиппи и кем-то ещё, вроде в виде музыкантов а ля «Битлз». В общем, то десятилетие давало пищу для фантазии празднующих, а там уж сами пусть как-нибудь разбираются. Но я все же осознавал, что задуманное мной – чистое безумие и сложно выполнимое в этом месте, где из одежды ничего, кроме трусов и носков, не достать. Но было бы любопытно глянуть на результат. Вот собственно и пригодился мой костюм, который я зачем-то сюда притащил. Буду в образе прилежного парня-отличника с зализанными волосами. А ещё мне повезло купить здесь смешные очки без диоптрий в роговой оправе, что вполне завершало мой внешний вид. Анне было назначено явиться в 20:00, тогда как другим гостям на полчаса раньше без права на опоздание, потому что я не хотел, чтобы сорвался мой, хоть и банальный, но от этого не менее приятный сюрприз. И конечно, же некоторые парни все же не порадовали пунктуальностью, как и своими заданными образами, о чем я, нисколько не скрывая, сообщал, начиная с десятого гостя. – Да не нервничай ты так, хоть бы твоя именинница в 9 пришла, ты же знаешь женскую натуру, охота нам тухн... – Нет, не знаю, и знать не желаю, – прервал я с как можно строгим голосом, – и я бы попросил без стереотипов в моем доме. В взгляде напросившегося опоздавшего читалось желание послать меня в далёкое эротическое путешествие, но жажда возможности погулять и поесть за чужой счёт взяла над

ним верх, и он неохотно выдавил из себя «Прости». Последний пришел за пять минут, и я стал быстро собирать парней за дверью с приказом не шуметь и не выходить, пока не будет им подан знак. Повыключал я свет в доме, за исключением небольших разноцветных лампочек в гостиной, и занял караул у входной двери в ожидании ЕЁ стука. В течении того времени, как мне пришлось ждать, сердце вновь стало чаще биться, и казалось, что из-за сердцебиения потеряю способность слышать все окружающие меня звуки, насколько меня переполняло волнение. Вот слышатся её скорые шаги, виднеется тонкий силуэт за стеклянной дверью в свете фонаря... Она встала у двери. И почему-то не стучит. Стоило только подумать «В чем дело?», как тут же напряжённую тишину прервали... Чей-то кашель из толпы. Я едва не шикнул на них, хотя что это меняло. Она-то не слышит. Наконец-то она постучалась, но очень тихо, словно боясь нарушить чей-то покой. Но мне уже не терпелось выпустить Анну, и поэтому, не мешкая, я тут же ей открыл. Из-за слабого света я особо не мог её разглядеть, и каким-то образом ухватил за руку, затем завёл в дом. Неспешно её провожая, я едва держался на ногах. Сегодня она пахла дорогим маминым парфюмом, и этот аромат вкупе с запахом её тела производил сногсшибательный эффект. Оставив Анну у двери, я пошёл к выключателю. Когда зажётся свет, выскочили ребята с криком «С днём рождения!», и они все это и жестами показали, которым я усердно их учил целых последних пять дней. Анна стояла такая прекрасная и растроганная. Она была одета в длинный сарафан до пят нежно голубого цвета, а её голову венчал венок из мелких розовых тканых цветов. Длинные волосы свободно распускались, а на её лице виднелся лёгкий след макияжа. Живая куклка во плоти. Смотрел на неё и все больше влюблялся. Пока я пребывал в состоянии сомнамбулы, ребятам явно не терпелось начать вечеринку, о чем мне сообщил один из них, что стоял прямо за мной. Отбросив от себя чары, я крикнул «Гуляем» и подошёл к объекту моего помешательства. – Ты очень красивая сегодня. То есть ты всегда такая, но сегодня особенно и... – и я замолчал. Она обняла меня, вкладывая в свои объятия всю свою признательность. – Спасибо! Хотя мы еще не начинали отмечать, но я чувствую, что это мой лучший день рождения. – Ах да, – воскликнул я, – стой здесь, я сейчас! – и побежал в свою комнату за подарком. К счастью, погода не стала преградой для того, чтобы мне доставили заказанную книгу. Мне её даже упаковали в моем присутствии, предварительно положив туда подписанную открытку. Хотя я и знал, что ей должно понравиться, но все равно меня грызли сомнения. Но лучшего я не мог пока предложить, так как был обладателем скромного бюджета. Анна не стала дожидаться моего возвращения и пустилась в пляс, ориентируясь на движения парней. Спускаясь как можно медленнее я не мог отвести от неё взгляда. Её движения источали плавность и грацию в совокупности с техникой, что выдавало упорные годы занятий. Правда она мне не говорила об этом, но тут и самому можно догадаться. Вырвавшись из танцевальной нирваны, Анна наконец увидела меня, по-прежнему стоящего на лестнице. Зажав книгу под мышкой, я облокотился о перила, предавшись наблюдением за такой прекрасной картиной. Но все рано или поздно заканчивается, и мне ничего не оставалось, как подойти к ней и вручить скромный презент. И мои руки предательски задрожали, что я едва удерживал эту чёртову книгу, будто она весила столько, что ею можно было защищаться в тёмной подворотне. Анна заметив это, бегом выхватила её из моих рук и тут же стала разворачивать бумагу. Она выразила большую благодарность, сказав, что именно этой книги ей не хватало в её скромной коллекции. И снова поцеловала меня в щеку. Близость лица Анны у моего выбивало меня ещё больше из равновесия. До чего же мне хотелось больше, чем эти невинные жесты, словно нам по пять лет. Когда она отошла дальше веселиться и принимать подарки, я постарался унять свою дрожь, что в конце концов мне удалось. Вышел я на кухню и закрыл дверь за собой, чтобы сюда не заходили лишние свидетели того, что сейчас произойдёт. Пошарив в самом верхнем шкафчике, я вытащил оттуда маленький бутыл с настойкой, которую мне передала одна бывшая жительница одного из соседних особняков. Если бы её словили на границе, то ей пришлось несладко по причине запрета ввоза и вывоза алкогольных напитков. И ею было

принято якобы мудрое решение, что лучше кому-то отдать, чтобы не пропадало зря. Брал я без задней мысли, просто не привык говорить «нет» в ответ на просьбы. Отхлебнув пару глотков, я поморщился. Не употребляя подобного рода напитки, меня смутила крепость настойки. Вкус мне не сильно пришёлся по душе, и я поставил бутылочку обратно. Вернувшись к празднованию, я стал ощущать приятное тепло в теле, и расслабленность что ли. И это придало мне уверенности, и я присоединился к танцующим. Настроение улучшилось настолько, что улыбался как идиот, особенно пританцовывая перед Анной. Меня не сильно заботили мои неловкие телодвижения. Да, я не танцор, но получаю удовольствие наравне со всеми. Если парням было пофиг на все, что не касалось их лично, то Анна пристально следила за мной. Кажется, она была весьма удивлена, но отвечала мне все той же чарующей улыбкой. Ох, я дурень! Натанцевавшись, я дал отбой, прикрутив до минимума громкость музыки. – А теперь давайте успокоимся и послушаем от каждого пожелания для нашей очаровательной именинницы, – выпалил я, с одновременным сурдопереводом для виновницы торжества, – да, я знаю, что вы раздали свои подарки и вам охота веселиться, но давайте ещё раз уделим внимание Анне! Чтобы подать вам пример, начну первым! Анна! Сегодня мы здесь собрались, чтобы выразить тебе всю нашу любовь и поддержку! Хоть ты нас и не слышишь, но ты как ни другой доказала, что для того, чтобы слышать кого-то не обязательно иметь для этого слух! Как же хорошо, что ты появилась в нашей жизни и... – далее не могу продолжить фразу, так как смутно помню, что наговорил тогда, как и речи других. Но судя по всему, мы не огорчили Анну, но более того, она была счастлива и признательна за коллективное поздравление. Когда ребята разошлись, я остался наедине с Анной, что не могло вновь не вызвать в моём теле мандраж. Чтобы унять волнение, моё едва послушное тело забегало по комнате, наводя порядок. На предложение помочь мне прибраться, я резко ответил ей отказом. Чувство трепета покинуло меня, и вместо него мною овладела безграничная апатия вкупе с горечью, которую тщательно скрывал от любимой. Она поняла, что со мной спорить невозможно и села в кресло, чтобы сложить свои подарки. Я при ней быстренько прибрался, благо парни не мусорили, что облегчило мою задачу, которую мне доверила мама. Поставил посуду в машину, пропылесосил гостиную, поправил мебель... И только после этого присел рядом с Анной, в ожидании того, когда она закончит рассматривать какую-то безделушку. – Теперь пора и домой, – прервала молчание Анна, одарив меня усталой улыбкой. Ничего я ей не ответил, а что было отвечать-то? Мне хотелось на неё смотреть, и только, но, к сожалению, время и правда близилось к полуночи. Подарки перекечевали в мои руки, и мы пошли той же проторённой дорожкой к её полутёмному жилищу: только в коридоре светил ночник. Всю дорогу она выражала мне все, что и до этого несколько раз за вечер. Моему самолюбию это было приятно, но в конце концов, достаточно было и одного раза. Снова поцелуй в щеку, а затем запертая дверь, у которой мне хотелось орать на весь мир, что доколе. Анна словно наслаждалась тем, что водила меня за нос и не давала чёткого понятия, что я ей тоже безумно нравлюсь. Точно также она целовала всех парней на вечеринке, но они-то ей не так близки, как я. Ощущение неопределённости стало порядком выматывать. Мне стало казаться, что она была для меня слишком хороша, а я не достоин и мизинца её руки. Некрасивый, хромой, дохлый. Правда, последнее не сильно актуально, но мне все ещё казалось, хрупкость – моё второе «я». – Молодец, ты сдержал слово. – Первое, что я услышал, когда вошёл домой. Мама стояла у кухни со стаканом воды, в ночной сорочке и с растрёпанными волосами. – И спокойной ночи. Я ответил ей тем же, и только после ежевечерней контрольной проверки дома, пошёл спать. Не имея желания послушать, как обычно, перед сном пару любимых композиций, я стал прислушиваться к звукам за окном, и спустя некоторое время уснул.

Заброшенный дом

С течением времени я стал замечать, что некоторые мои знакомые на этом острове неожиданно исчезают. Как неожиданно, они и до этого говорили не единожды, что время их пребывания здесь подходит к концу. Но никаких проводов не случилось, вот так – были вечером, как бы не собираясь ещё выселяться, а утром их уже не было, словно ветром сдуло. После их отъезда приезжают новые жители, но бывает иногда, что не сразу. Помимо этого, я никогда воочию не видел самого отъезда прежних жильцов. Однако это можно объяснить тем, что раньше двух часов ночи я не высовывал нос из дома. А какой-либо шум заглушался музыкой, доносящей из наушников И у меня появилось новое развлечение в виде того, что я иногда заходил в пустые дома. Ключи от них всегда располагались под ковриком под парадной дверью. Открывал и заходил без зазрения совести. Конечно, этим мне приходилось заниматься глубокой ночью, когда снова расстраивался сон, а валяться напрасно не хотелось. Брал халат и накидывал так, и шёл бродить, куда вздумается. К тому же, идеально, ибо не было риска наткнуться на соседей, которым пришлось бы объясняться. И страшно не было, потому что я знал здесь каждого человека, и никто из них не смог бы причинить вреда даже мухе, значит, бояться нечего. Зачем я влезал в чужие дома? Не знаю, наверное праздное любопытство, хотя я и так в них бывал в присутствии хозяев. Вещей своих они не оставляли, по крайней мере тех, о которых мне было известно. Заходил я в первую очередь в спальные комнаты, что равносильны интимным зонам. Ведь именно в спальнях люди сбрасывают с себя бронетанковую чешую и остаются беззащитными. Мне было интересно исследовать тумбочки, шкафы, письменные столы, ваннные комнаты... И в редких случаях удавалось находить случайно забытые вещи вроде зубных щёток или грязных носков. И самое удивительное, их на следующий день не обнаруживалось. И отметив эту странность, я со временем сопоставлял их с приездом новых постояльцев. Если в доме нет намёка на то, что здесь раньше жили и оставляли свои нехитрые пожитки, значит в течении в ближайших дней здесь вновь поселятся. Убирались здесь, как будто здесь будет жить какой-нибудь важный член общества, настолько тщательно это делалось. Приходилось прикладывать безумные усилия, что не оставить следов своего пребывания, а со своей неуклюжестью та ещё была миссия. В конце концов, процесс сильно затянулся в свои сети. Хоть я и не собирался никому рассказывать о своём секрете, но на одной из прогулок с Анной, не сумел проконтролировать своё желание, которое до этого времени всегда побеждал голос разума. Я пригласил её сесть под нашим любимым деревом в единственном парке у набережной, обещая ей поведать кое-что интересное. – Да ты с ума сошёл! Ты же вторгаешься на чужую территорию! – вот что услышал от неё, когда закончил рассказывать о моем увлечении. – Но там же никто не живёт, по сути те дома – ничьи, а значит... – стало было начал приводить ей доводы, но она не хотела ничего знать. – Нет, ты должен прекратить это! – Анна... – на моем лице появилось умоляющее выражение, и это совершенно не влияло на её мнение. – Зачем ты это делаешь? – не дав ответить, она тут же сказала как отрезала, – Пока ты будешь продолжать такое вытворять, то считай, что мы в ссоре! Мои руки пытались ухватиться за нее, чтобы не дать ей уйти, но в мою ладонь впились острые ногти, и мне пришлось отпустить из-за причинённой боли. Её торопливая походка демонстративно выражала все недовольство, вызванное моей поведанной тайной. Рука слегка кровоточила, и я, поморщившись, обмотал её нижним краем футболки. В моей душе горечью отдавались отрицательная реакция Анны. Она спровоцировала сожаление о проявленной словоохотливости. Хоть мы вместе не так долго, и все же, смею считать, что наша близкая связь достаточно продолжительная, чтобы говорить обо всем, что нас касается. Эта глупая надежда, что между нами царит полное взаимопонимание. Сегодня произошла действительно настоящая ссора. И поскольку я не привык от неё получать какую-то критику, резкие в своей категоричности слова сильно

за живое. Желание сидеть здесь и дальше отпало окончательно, и я пошёл в сторону своего дома. В глубине души ждал, что когда буду подходить к дверям, то она выскочит и попросит чистосердечное прощение с приятными поощрениями вроде поцелуя. В первый и последний раз развернувшись у дверей в сторону дома Анны, я увидел, что моим надеждам не суждено было сбыться. Вдобавок к моему сожалению прибавилась сильная обида, так как не считал себя виноватым, как меня пытались выставить. Поэтому я, закрывая дверь и не рассчитав сил, хлопнул дверью так, что упала любимая мамина ваза, стоящая в проходе. – Ты смотри, чего натворил! – выскочила из гостиной мама, заметив осколки на полу, – что ты себе позволяешь?! И тут у меня вырвалось: – Пошла к черту со своей чертовой вазой! – и побежал напрямик в свою комнату. Мои ноги не успевали за вихрем нахлынувших эмоций, из-за чего едва не упал. Посидев на своей кровати, меня вскоре начало отпускать. Мне стало очень стыдно перед мамой за своё поведение, ведь она совершенно не причём. Раньше от меня и так нельзя было ожидать прилежного поведения, но такого ещё никогда себе не позволял. С ужасом понял, что я становлюсь зеркальным отражением своего деспотичного и жестокого отца, на которого мне меньше всего хотелось быть похожим. Неужели далее последуют распускание рук и моральное унижение тех, кто мне дорог? Да что вообще происходит?! Почему меня переполняет беспричинная агрессия? Я выбежал из комнаты, чтобы попросить прощения, но увидел, что осколки так по-прежнему лежат на полу у входа. Бегая по дому я нашёл записку на кухонном столе: «Испортит – убирай сам, я не собираюсь терпеть твои фокусы, и тем более, замечать следы своего отвратительного поведения». Вновь меня окатило сильнейшим пламенем стыда. Неужели мама подумала, что её вновь ждёт жуткий кошмар, только уже от родного сына? Как же я себя ненавидел! Если думаете, что слова Анны заставили меня бросить осуждаемое ей моё хобби, то спешу вас огорчить. К этому я вернулся через дня после нашей перепалки. И тем более, кто она мне такая, чтобы давать указания? На часах мигало 2:45, и стояла кромешная темнота, поскольку небо было затянуто тучами, изливающими мелким дождём, на что не обращал внимание, когда выходил из дому. По дороге меня терзали мысли, что иногда не мешало бы захватывать зонт. А фонари после полуночи переводились в эконом-режим: один фонарь на целый квартал, все равно ночью не приходило в голову гулять по городу. Зашёл в дом, откуда съехал слепой парень, не тот, что с нами сюда прилетел, а другой и жил он со своим отцом, что было уникальным событием, потому что у всех сплошь один родитель – и никогда мужского пола. Мать этого парня умерла, когда рожала его, вроде из-за открывшего кровотечения. Мы восхищались этим человеком – как мы, парни, так и наши родители. Ведь можно было сдать слепого ребёнка, из-за которого погибла любимая женщина и забыть, но он действительно не допускал такой мысли, потому что в сыне видел частичку той, кто ему была дорога, и никакие трудности не могли спугнуть этого сильного духом мужчину. – Игорь – моя гордость! – нередко доводилось слушать это от него про своего сына, – смотрите, какой богатырь вымахал! По словам Игоря, они жили тут с прошлого года и ему уже не терпится вернуться домой, чтобы развивать свою физическую форму с прицелом на Параолимпийские турниры, чтобы ещё больше показать отцу, что тот вырастил достойного человека. Выглядел Игорь довольно внушительно, и это придавало ему уверенность и надежду на перемены к лучшему. Внутри дома меня стал одолевать озноб, возникший так некстати. Впервые я не стал включать что-то для обогрева, чтобы ненароком не привлечь внимание. Если Анна знает, то не факт, что она станет умалчивать о моих приключениях. Я стал расхаживать не без осторожности, ведь было очень темно, а в фонарике села батарейка. Был бы мобильный, да только из-за отсутствия связи он валялся в вещах. Даже не вспомню, когда он заряжался. То, что я услышал здесь, едва не лишило меня чувств от испуга. Раздавались чьи-то неспешные шаги, словно их владелец пребывал в поиске чего-то. Мне пришлось скрыться за креслом возле декоративного камина в гостиной, и я стал прислушиваться. Не похоже, что это тот, кто здесь проживал (в чем я был уверен до этого момента), но и дверь была закрыта за мной, не на ключ, конечно. Вот в послед-

нем уверенность стала угасать. Привидений ведь не существует. И кто ещё может следовать моим занятиям? – Ммм... – в этой тишине прозвучал голос той, кто меня ранее осудила, а в итоге, действия приняли противоречивый оборот! Она-то чего полезла сюда? От неожиданности и желания разобраться моё тело приняло вертикальное положение. Да, это была она. Анна смотрела в противоположную от меня сторону, и мне ничего не оставалось другого, как подойти к ней. Старался я аккуратно идти, чтобы не спугнуть ненароком, да биться об то-то тоже совершенно не хотелось, мои старые синяки и так не спешили исчезать. Но я все же напугал её, благо она не имела привычки кричать, что было бы нежелательно. То ли от того, что она соскучилась по мне, то ли от испуга, но она тут же прижалась ко мне. Я настолько оторопел, так как ещё не отошёл после нашего конфликта, что не сразу обхватил её. Она подняла голову и, наверное, впилась в меня взглядом, если верить её частому дыханию в районе моей широкой груди. Затем это дыхание стало ощущаться на шее, а потом где-то у подбородка, и её губы стали касаться моих. И мы поцеловались. По её инициативе. Никто из нас не делал этого раньше, и это были сколько не поцелуи, сколько обучение им на интуитивном уровне. Оторвавшись от столь нового для нас занятия, мы отошли от друг друга. Моя обида на её слова словно испарилась, и вместо этого меня переполняло желание и дальше с ней сливаться хотя бы в оральных играх. Плюнув на все, я тихонько прикрыл окна шторами и включил настольную лампу, что стояла на столике у дивана. Наконец я мог видеть Анну в мягком свете. Волосы у неё были более растрёпанные, чем обычно. А из одежды на ней была лишь розовая ночная сорочка, а сверху накинут шелковый халат, едва прикрывающий её острые коленки. Возле неё стоял мокрый сложенный зонт, прислонённый к подлокотнику одного из кресел. На щеках горел яркий румянец, но судя по её лицу, девушку переполняли стыд и смущение. Надоело мне сидеть молча, и я завёл разговор о нашей ссоре: – Почему ты пришла сюда, если ты не одобряешь то, что я делаю? – Понимаешь, у меня было время обдумать, и я пришла к выводу, что сильно погорячилась. Я была совершенно не права в своих нападках. Не знаю, что на меня нашло. Но не могла тебе сказать об этом раньше, ведь ты не выходил на улицу, а стучаться смелости не хватило. И правда, я торчал у себя в комнате все эти дни, спускался вниз исключительно для тренировок, где выплёскивал накопившиеся отрицательные эмоции. А так лежал себе и бездумно пялился в фильмы, которые не сумели меня увлечь своим сюжетом. Они лишь служили фоном для моих мыслей обо всем, но прежде всего о НЕЙ. Получается, три дня над нами брала верх непоколебимая гордыня. А она тем временем продолжала: – Ты не делаешь ничего дурного, ведь так? И поэтому я высматривала тебя все три ночи, а увидев тебя сегодня, идущего в очередной пустой дом, решила следовать за тобой, и... – и она запнулась. Меня переполняло желание помучить её, и в то же время заключить в объятиях. Победило первое. Я сидел как на иголках, ожидая, что она скажет дальше. – Ты ведь простишь меня? – она чуть не плача смотрела на меня. Я встал, и сел на подлокотник, и стал гладить её по узким плечам, кивая при этом головой с лёгкой улыбкой в знак того, что наш конфликт наконец полностью себя исчерпал. Её плечи под этим ненужным скользящим халатом меня словно манили сделать следующий шаг, но я старался подавлять свои низменные желания. Анна была слишком прелестна, чтобы допускать даже просто подобные мысли. Тем более, откуда-то во мне присутствовала уверенность, что ждать осталось не так уж и долго. Не в силах усидеть рядом с ней, я резко встал и пошёл на кухню отпить воды, до того пересохло в горле. Напившись пары чашек воды из-под крана, я вернулся в гостиную. Анна по-прежнему сидела в кресле, но уже пребывая в состоянии сна. Посмотрев на часы, чтобы узнать, сколько нам ещё здесь можно торчать без последствий. Время неумолимо шло к рассвету, а значит придётся валить отсюда прямо сейчас же. Еле добудился Анны, но она все ещё едва соображала, что я от неё хочу. Быстро уничтожив следы нашего пребывания вроде примятых накидок на мебели, я взял Анну за локоть, и повёл к двери. Дождь почти прекратился, так что зонт нам не пригодился по пути. Наше прощание было не таким, как прежде. Мы повторили то, что и в том доме. Если бы Анне

не хотелось и дальше спать, то наверное наш поцелуй длился бы дольше, насколько я вошёл во вкус. Проследив, что она легла спать (тусклый свет в её спальне был мне в помощь), я быстро вернулся к себе. И меня тоже стало обволакивать чарами сна, чему наверное способствовал прохладный после дождя воздух. Было около десяти часов утра, когда завершилось моё путешествие в царстве Морфея. Выглянув в окно, отметил, что сегодня погода гнула свою линию, начавшую ночью, и стояла весьма пасмурная. И стало даже слегка прохладнее, что я стоя в одних трусах, поёжился, и потирал себя руками по ходу к моим вещам в шкафу. Из тёплых вещей были только джинсы и толстовка с названием любимой группы, а так у меня были футболки с шортами. Привезённые вещи стали так малы, что едва натянул их на себя, и в процессе этого боялся, что порву. А другого ничего нет. Затем я спустился и увидел, что матери опять не было дома. Пошарив в холодильнике, нашёл только пекинскую капусту и нелюбимую мной рыбу. Махнув рукой, я закрыл дверцу. Однако не все так плохо: ведь у меня целая заправка коктейлей, правда тренер предостерегал, что их пить надо дозировано, но мне очень хотелось есть, а идти в торговый центр долго и нудно. Утолив назойливый голод, я стал думать над тем, чем бы заняться. Пребывая здесь какое-то время, рано или поздно начинаешь скучать. Делать было особо нечего: гулять, спать, есть, и собственно, больше ничего. А, и ежедневные тренировки после обеда. В моей душе заскребли кошки по той жизни, откуда мне раньше хотелось убежать. Учиться я любил, друзей не было, но в целом, какое-то общение присутствовало, не бедствовали. Портило идилию только отец с отчимом, но их-то с нами нет. Я завалился на диван, уставившись бездумно в книгу, найденную на полке в гостиной. Здесь писалось что-то про мотивацию и личностный рост, но смысл все время ускользал от меня. Спустя десять минут бесполезной попытки книга была возвращена на место. Решил я, что ждать тренера не стану, так как к этому времени и сам относительно стал понимать, что мне надо делать. Мой выбор пал на грушу. Побив её пятнадцать минут, почувствовал очередной приступ хандры. Поделав ещё всего понемножку, я пошёл помыться, чтобы избавиться от пота. Спустя десять минут я вышел из ванны, не накинув полотенце на бедра. Вид голого тела почему-то стал веселить меня. В моей комнате, естественно, стояло большое зеркало, но полностью без одежды я в него не гляделся. Если вы видели, как демонстрируют свою форму бодибилдеры на соревнованиях, то вас не затруднит представить, что происходило дальше. Это был самый настоящий акт самолюбования. А любоваться было чем. Вместо парня астеничного телосложения в отражении находился мужчина с мышцами, рельефу которых позавидовал бы сам Арнольд Шварцнеггер. Сколько я не мог поверить, столько увлёкся рассматриванием всего этого. Мои внушительные бицепсы с лопнувшей кожей и грудная клетка могли произвести устрашающее впечатление. И тут хлопнула входная дверь, и я машинально схватился за свою снятую одежду до тренировки, запомнив, что она впитала литры резко пахнущего пота. И случилось то, чего я боялся. Если штаны в спешке не пострадали, когда я не рассчитывал силу, однако толстовка предательски треснула по швам. Черт! Она мне так дорога, а теперь это всего лишь рвань. Недолго думая, я вышел с толстовкой в руке. Отдал вещь маме, которая пообещала зашить. Не успела мама уйти к себе за иголкой с нитками, так тут же в дверь кто-то постучался. На пороге стояла Анна. Вспыхнувший румянец и взгляд украдкой на мой торс выдавал девичье смущение. Глядел бы целую вечность на подобную реакцию, но я пригласил её в дом. Затем стал рассказывать, что не могу выйти из дому и все в таком духе. На самом деле я мог; в футболке вполне не холодно. Но мне хотелось помучить Анну своим видом. Рассказанное гостью явно огорчило. В поисках компромисса мной было озвучено предложение пройти в мою комнату, пока толстовка не будет готова. И в ответ – никаких отказов, даже наоборот. До этого ей не приходилось бывать в моей спальне, и поэтому Анна с большим удовольствием стала рассматривать мои малочисленные пожитки, на что ушло всего пять минут. И все же её мимолётные взгляды на обнажённые торс не продлили незамеченными. Запоздалая радость из-за порванной толстовки потихоньку переполняла меня, ведь мне льстило такое робкое вни-

мание. То, что случилось после этого меня поразило и только подтвердило мою ночную уверенность в скором развитии событий: она неожиданно толкнула меня сидящего на кровати. Я свалился на спину, и она всем своим телом легла на моё. Её это явно забавляло, так как с её губ не сходила хитрая улыбка, а с глаз – огонёк. Её руки сплелись с моими, и губы коснулись моих. То, что мы делали явно можно назвать «учились они всем азам оральных ласк». Просто целовались, но по-разному. Может, мы дошли бы и до более смелых форм занятий любовью, но нас прервал крик матери о том, что она закончила латать вещь. Ну и славно, мы ещё только начали, рано ещё заходить дальше в наших отношений. Но судя по лицу Анны, что приобрело недовольное выражение лица, так рассуждал только один из нас. На прогулке я спросил, что это на Анну нашло. Вместо ожидаемого свойственного ей постоянного смущения, она театрально выдержала паузу, с улыбкой глядя мне в лицо. – Я когда-то нашла книгу в маминной библиотеке, где рассказывалось о технике поцелуев и не только, и это произвело на меня огромное впечатление, но не с кем было их попробовать... Я едва не упал от изумления! Она казалась мне такой чистой и светлой, вон даже стеснялась меня полуобнажённого. А она не такая, как мне казалось. Но это несколько не разочаровало меня. Только вот не могло не напрягать, что мои навыки ничто по сравнению с тем, что она знает. Теперь моя очередь испытывать неловкость. – А что, ты тоже полон предрассудками? – как бы спросили меня с насмешкой, не дождавшись от меня ответа на такую откровенность. – Смотря какими... – Ну я про физический контакт между мужчиной и женщиной... не поцелуй, если что. – В смысле... секс? Нет, с чего ты взяла? – Да так... – Анна шла, опустившись глаза вниз. Волосы скрывали профиль лица от меня. – Ну уж договаривай! – подбадривая её, я с улыбкой показывал, что меня не смутит ничем. – Мне мало поцелуев, если ты понимаешь, о чем я. Я не знал, что ответить. Мне хотелось тоже самое, что и ей, но ради приличия нам бы стоило повременить, тем более, где нам заниматься ЭТИМ? Анна восприняла моё молчание по-своему: – Ты считаешь меня шлюхой, да? Не молчи! – Да нет, что ты! Я не против, но нам надо повременить... – Понятно, ты – ханжа. – Больше она ничего не говорила, шла себе со скрещёнными руками на груди, отгородившись от меня. В течении следующих пяти минут мои силы были брошены на то, чтобы переубедить, что она ошибается. Анна сдалась таки и перестала изображать из себя обиженную девочку. Кульминацией стали наша практика известных ей техник под самым большим деревом в парке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.